

ГБУК СО «СОМБ»

«Поэзия - это живопись, которую слышат»

к юбилеям поэтов России

2025

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

Министерство культуры Свердловской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека»

«Поэзия – это живопись которую слышат»
к юбилеям поэтов России

Екатеринбург – 2025

ББК 83.3(2 Рос=Рус)6

П 67

П 67

«Поэзия – это живопись которую слышат» : к юбилеям поэтов России / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека ; составитель О. И. Калинина. – Екатеринбург : СОМБ, 2025. – 94 с. : ил. – Текст: электронный.

ББК 83.3(2 Рос=Рус)6

© ГБУК СО СОМБ, 2025

Оглавление

ПРОЛОГ	4
БОРИС ПАСТЕРНАК.....	7
ИОСИФ БРОДСКИЙ.....	22
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.....	36
САША ЧЕРНЫЙ.....	45
ИВАН БУНИН.....	55
АЛЕКСАНДР БЛОК.....	64
АФАНАСИЙ ФЕТ	73
Эпилог «Ut pictura poesis» «Поэзия как живопись»	84
Список литературы	93

ПРОЛОГ

Леонид Пастернак. Муки творчества

Свойство звуков вызывать цветовые образы было замечено давно. Много написано о цветовом слухе А. Скрябина, который музыкальные звуки видел в цвете. Целое направление в искусстве – цветомузыка – основано на этом свойстве звуков музыки.

Есть свидетельство о том, что звуки речи, особенно гласные, тоже могут восприниматься в цвете. А. Рембо написал даже сонет «Гласные», в котором так раскрасил звуки: А – черный; белый – Е; И – красный; У – зелёный; О – синий.

Писатель Алексей Аимин свою статью «Живопись и Поэзия» предваряет эпиграфом-афоризмом Леонардо да Винчи, строки из которого и мы вынесли в название нашего дайджеста:

«Живопись – это поэзия, которую видят, а поэзия – это живопись, которую слышат».

Нам кажется правильным и интересным дать отсыл к его рассуждениям по теме поэзия и живопись, прежде чем мы начнем разговор о живописи в поэзии поэтов – юбиляров 2025 года.

Поэзия музыка и живопись близки по своей сути. Авторы стремятся передать свои порывы через разные органы чувств. Про это хорошо сказано у Бориса Пастернака:

*Октябрь серебристо-ореховый.
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.*

Свои стихи посвящал живописи и живописцам Осип Мандельштам. Например, вот так он легко и живо описывал технику импрессионизма:

*Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст как струнья положил.*

*Он понял масла густоту, –
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.*

*А тень-то, тень все лиловой,
Свисток иль хлыст как спичка тухнет.
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.*

*Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель.*

Слово «поэзия» происходит от греч. ποιέο – творить, создавать, строить, созидать. Во все времена люди любили и верили поэтам. Писать стихи способен лишь тот, кто умеет увидеть возвышенное за обыденностью, может погрузиться в воображаемый мир, обладает тонкой душевной организацией и глубиной чувств.

Ведь поэзия создается чувствами, эмоциями, воображением поэта. Древние греки понимали под поэзией человеческую речь, во всех её проявлениях. Это и проза, и театральная декламация, и вдохновенная речь и философский спор и, конечно же, стихи. В настоящее время поэзия представляется чем-то прекрасным, необычным и это на самом деле так.

Живописность в поэзии помогает воображению читателя смоделировать этот образ трехмерным, объемным. Это объясняется тем, что в литературе используются различные образные средства, например сравнения и метафоры, которые рождают в сознании читателя живые яркие чувственные представления, им сопутствуют и зрительные ассоциации, как в стихах А.С. Пушкина:

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,*

И речка подо льдом блестит.

Поэзия позволяет наслаждаться словом, рождает сильные, проникновенные слова, которые обладают особой энергией, подчиняющей наше воображение и увлекающей за собой. Эту великую силу в них вдохнул поэт, а черпает её он из окружающего нас мира, воспринимая и ощущая силу ветра и солнца, слыша мелодию набегающих волн и шелестящего леса, находя её в тревожащем напряжении любви.

Хорошие стихи, как и хорошие полотна, западают в наши души и заставляют нас остановиться и осмыслить следующий шаг. И вполне естественно, что многие известные поэты посвятили свои стихи художникам, вдохновлялись их прекрасными полотнами. Например, Николай Заболоцкий:

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.*

БОРИС ПАСТЕРНАК

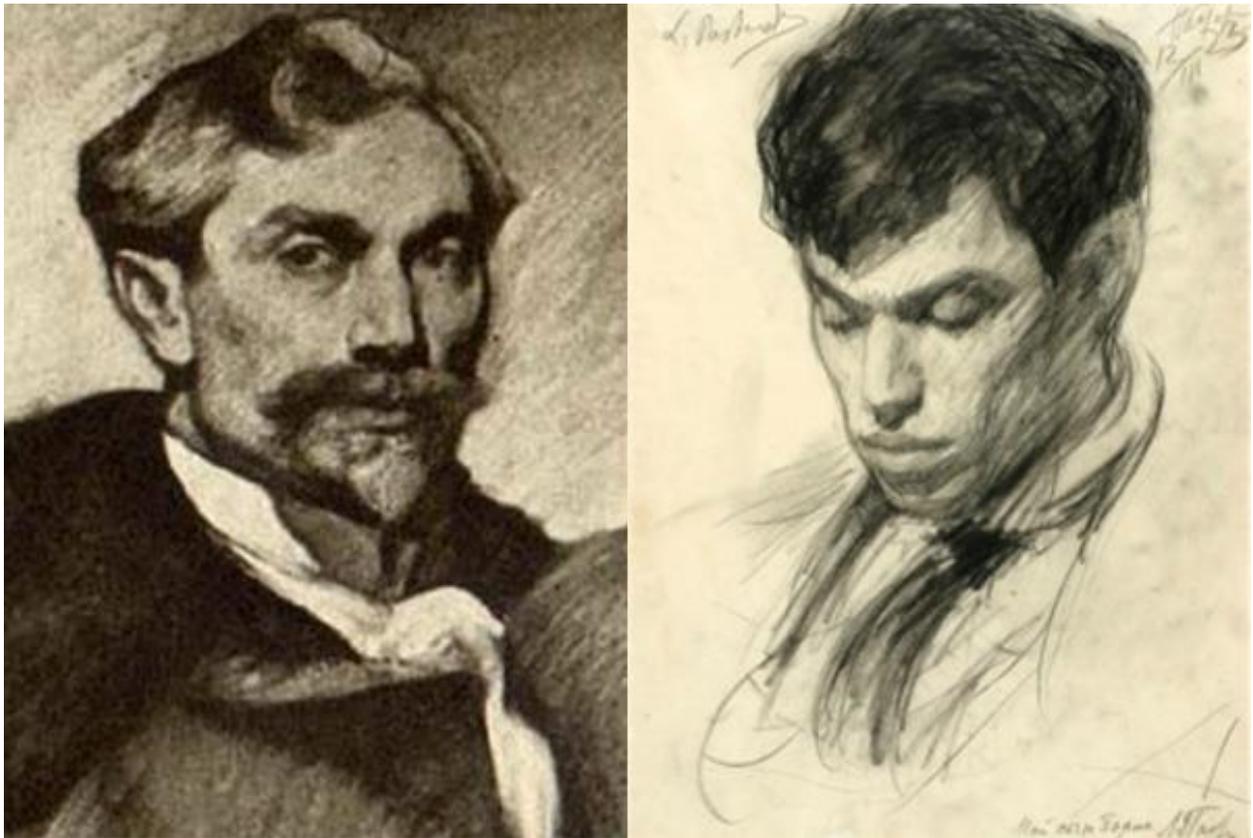
7

**«Я весь мир заставил плакать
Над красой земли своей».
Б. Пастернак**

Творчество Бориса Пастернака принадлежит к вершинам русской культуры XX века. Обладая невероятным талантом, обширными знаниями и превосходным чувством языка он сумел привнести в отечественную поэзию остроту наблюдения, новизну выражения и особое звучание «красоты низких истин».

Его родители принадлежали к культурной элите России. Мать – талантливая пианистка Розалия Кауфман. Многое досталось Борису от матери – умение жить искусством и в искусстве, творческая и жизненная самоотдача. Поэт родился в семье одного из первых русских художников – импрессионистов Леонида Осиповича Пастернака, графика, мастера жанровых композиций и книжной иллюстрации, академика, профессора Училища живописи. Одним из первых воспоминаний детства Бориса стало посещение их дома Л.Н. Толстым в ноябре 1894 года. Среди завсегдатаев семейных вечеров Пастернаков были живописец Н.Н. Ге и композитор А.Н. Скрябин. Впоследствии поэт вспоминал, что выпитывал «высокое и исключительное» как часть домашнего обихода. Не удивительно, что в такой атмосфере у него рано развился неподдельный интерес к искусству.

Борис с детства любил рисовать. На сохранившихся рисунках можно увидеть и дом, и вид холма на церковь, и мост через речку. И хотя ничего удивительного не было в том, что сын художника пробовал свои силы в рисовании, однако уверенная рука, меткий глаз и упорство, с которым мальчик, неоднократно повторяя рисунок, добивался все большего сходства с натурой, говорят о явных способностях рисовальщика.

Леонид Пастернак. Борис Пастернак. Работы Л. Пастернака

8

«Мог стать художником, если бы работал», – таково было заключение отца – художника. Но в 13 лет Борис оставил живопись ради музыки. А уже через 10 лет он опубликует первое стихотворение «Февраль. Достать чернил и плакать». Это стихотворение – своеобразная визитная карточка поэта. Мир здесь представляется очень образно: чернила, слякоть, проталины, колеса, грачи, лужи, ветер. Все говорит о приближении весны, хотя используются черные краски. Думаю, что такое внимание к предметам у поэта от отца.

*Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.*

«Февраль»

Живопись повлияла на творчество Бориса Пастернака и в плане идейного содержания текстов, и в плане художественного стиля. Занятия живописью отразились на восприятии мира Пастернаком: красочность и детальность, которые он подчёркивал своим профессиональным взглядом, передаются в точных и красочных описаниях, в ярких пейзажах и метких, нетривиальных деталях.

Пастернак писал: **«Я сын художника, искусство и больших людей видел с первых дней и к высокому и исключительному привык относиться как к природе, как к живой норме».**

*Мерцаньем звезд далеких безразлично
Был поворот дороги озарен.
Дорога шла вокруг горы Масличной,*

Внизу под нею протекал Кедрон.

«Гефсиманский сад»

*А вечерами за буксиром
На пробках тянется заря
И отливает рыбьим жиром
И мглистой дымкой янтаря.*

«Сосны»

У живописи поэт учился говорить о себе, о своих чувствах. С первых шагов в поэзии Борис Пастернак обнаружил особый почерк, особый строй художественных средств и приемов. Композитор Скрябин заметил «цветность» стихотворений Пастернака.

Природа превратилась в поэзии Пастернака в главного лирического героя. Перед самой смертью поэт написал такие строки:

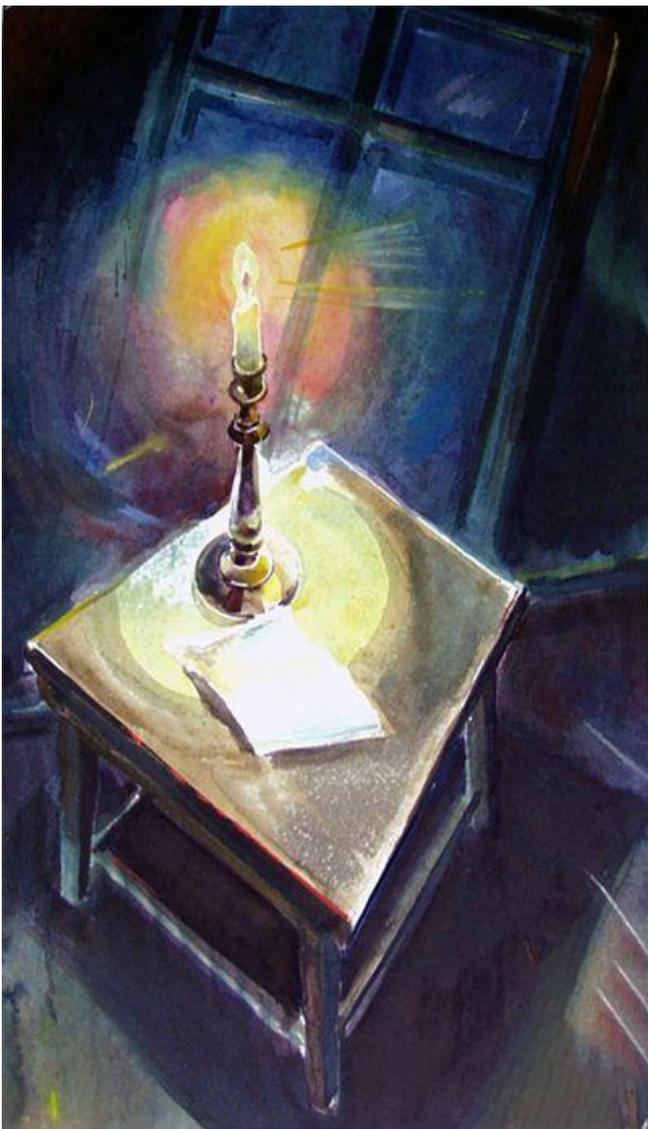
*Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.*

Особенно удаются ему зимние пейзажи. Чаще всего у Пастернака встречается синий цвет: это синева ледника, синий рассвет, синие слёзы, лазурь реки, сиреневая ветвь, пепел сиреневый, голубая прохлада.

«Заморозки»

*Холодным утром солнце в дымке
Стоит столбом огня в дыму.
Я тоже, как на скверном снимке,
Совсем неотличим ему.
Пока оно из мглы не выйдет,
Блеснув за прудом на лугу,
Меня деревья плохо видят
На отдаленном берегу.
Прохожий узнается позже,
Чем он пройдет, нырнув в туман.
Мороз покрыт гусиной кожей,
И воздух лжив, как слой румян.
Идешь по инею дорожки,
Как по настилу из рогож.
Земле дышать ботвой картошки
И стынуть больше невтерпеж.*

Одно из самых знаменитых стихотворений Бориса Пастернака «Зимняя ночь» было написано в 1946 году и вошло в так называемый сборник стихов Юрия Живаго - главного героя романа «Доктор Живаго». Перед нами – удивительно лиричная картина, в которой переплетаются два противоположных начала: мороз зимней метельной ночи и горящая в комнате свеча, которая и есть символом двух влюблённых, укрывшихся от непогоды в тепле уединённой комнаты.

Юрий Чистяков. Свеча горела на столе

Мело, мело по всей земле
 Во все пределы.
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.
 Как летом роем мошकारа
 Летит на пламя,
 Слетались хлопья со двора
 К оконной раме.
 Метель лепила на стекле
 Кружки и стрелы
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.
 На озаренный потолок
 Ложилась тени,
 Скрещенья рук, скрещенья ног,
 Судьбы скрещенья.
 И падали два башмачка
 Со стуком на пол.
 И воск слезами с ночника
 На платье капал.
 И все терялось в снежной мгле
 Седой и белой.
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.
 На свечку дуло из угла,
 И жар соблазна
 Вздымал, как ангел, два крыла
 Крестообразно.
 Мело весь месяц в феврале,
 И то и дело
 Свеча горела на столе,
 Свеча горела.

1946 г.

Эпитетов в стихотворении «Зимняя ночь» немного, они также позволяют образно представить обстановку: «мгле седой и белой», «на озаренный потолок».

Образ свечи в стихотворении – главный, он повторяется в тексте 4 раза. Это символ жизни, света, тепла, любви.

При помощи метафор, сравнений, оживают сады, дороги, пространства. Эпитеты делают стихотворения необыкновенными, яркими, образными. Свою манеру написания Пастернак определил как стремление «поймать живое», «мгновенную рисующую движение живописность». Пастернак – пейзажист рисует все времена года.

МАРТ
Из цикла ВЕСНА

*Пара форточных петелек,
Февраля отголоски.
Пить, пока не заметили,
Пить вискам и прическе!*

*Гул ворвался, как шомпол.
О холодный, сначала бы!
Бурный друг мой, о чем бы?
Воздух воли и – жалобы?!*

*Что за смысл в этом пойле?
Боже, кем это мелются,
Языком ли, душой ли,
Этот плеск, эти прелести?*

*Кто ты, март? – Закипал же
Даже лед, и обуглятся,
Раскатясь, экипажи
По свихнувшейся улице!*

*Научи, как ворочать
Языком, чтоб растрогались,
Как тобой, этой ночью
Эти дрожки и щёголи.*

АВГУСТ

*Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.*

*Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.*

*Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на провода
Шли по лесу вы друг за дружкой.*

*Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.*

Обыкновенно свет без пламени

*Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.*

*И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.*

*С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.*

*В лесу казённой землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.*

*Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:*

*«Прощай, лазурь преображенная
И золото второго Спаса
Смягчи последней лаской женскую
Мне горечь рокового часа.*

*Прощайте, годы безвременщины,
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я – поле твоего сражения.*

*Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».*

СЕНТЯБРЬ ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

*Корыта и ушаты,
Нескладица с утра,
Дождливые закаты,
Сырые вечера,*

*Проглоченные слёзы
Во вздохах темноты,
И зовы паровоза*

С шестнадцатой версты.

*И ранние потёмки
В саду и на дворе,
И мелкие поломки,
И все как в сентябре.*

*А днем простор осенний
Пронизывает вой
Тоскою голошенья
С погоста за рекой.*

*Когда рыданье вдовье
Относит за бугор,
Я с нею всею кровью
И вижу смерть в упор.*

*Я вижу из передней
В окно, как всякий год,
Своей поры последней
Отсроченный приход.*

*Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима.*

ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

*Зима приближается. Сызнова
Какой-нибудь угол медвежий
Под слезы ребенка капризного
Исчезнет в грязи непроезжей.
Домишки в озерах очутятся.
Над ними закурятся трубы.
В холодных объятьях распутицы
Сойдутся к огню жизнелюбы.
Обитатели севера строгого,
Накрытые небом, как крышей!
На вас, захолустные логова,
Написано: «Сим победиши» .
Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее задушевней.
Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Вы с детства любимую книгою*

*Как бы на середке открыты.
И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.
Октябрь серебристо-ореховый.
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.*

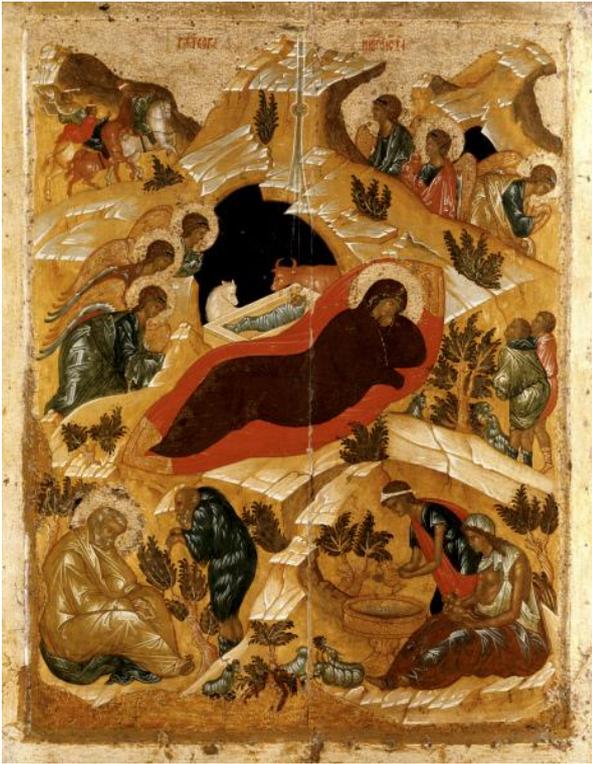
В палитре времен года Пастернака присутствуют разные краски: серая, серебряная, синяя, сиреневая, сизая, лиловая, багровая, бронзовая, буря, розовая, вишнёвая, красная, белая, чёрная, жёлтая, янтарная, позолоченная. Чаще всего употребляется синий цвет и оттенки синего.

Одно из самых проникновенных стихотворений Бориса Пастернака **«Рождественская звезда»** (мы публикуем отрывок) было написано в 1947 году и вошло в живаговский цикл. Николай Заболоцкий говорил, что «Рождественскую звезду» следует повесить на стену и каждый день снимать перед этим стихотворением шляпу. Объяснение этой фразы Заболоцкого и подсказка, как именно следует читать текст «Рождественской звезды», появляются в прозаической части романа: по пути на елку к Свентицким Юрий Живаго думает о том, что **«надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом»**. Много лет спустя, когда Живаго будет в Варыкине, эта идея воплотится в «Рождественской звезде».

14

«В рождественском стихотворении у Пастернака вообще много всего – и итальянская живопись, и Брейгель, какие-то собаки бегут и так далее и так далее. Там уже и замоскворецкий пейзаж». Иосиф Бродский

О значении самых разных визуальных цитат и различных художественных концепций для понимания этого текста говорят и многие исследователи. По мнению исследователя русской иконописи Валерия Лепехина, для понимания композиции пастернаковского текста следует вспомнить икону «Рождество Христово»:

Рождество Христово. Репродукция иконы, школа Андрея Рублева. Происходит из Рождественской церкви Рождественской слободы в Звенигороде. Первая четверть XV века

«Взгляд поэта словно совершает круг по этой композиционной схеме – от смыслового центра, каковым является Младенец, вправо к пастухам, далее вверх влево – к звезде, затем еще левее – к волхвам».

Пастернак обращается к иконописному изображению, чтобы передать явление Рождества с точки зрения вечности – события не следуют одно за другим, они существуют параллельно друг другу:

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.

15

Норвежская исследовательница Лиллиан Юрунн Хелле видит в стихотворении черты, схожие с картиной Питера Брейгеля Старшего «Поклонение волхвов в зимнем пейзаже»:

*Доху отряхнув от постельной трухи
И зернышек проса,
Смотрели с утеса
Спросонья в полночную даль пастухи.*

*Морозная ночь походила на сказку,
И кто-то с навьюженной снежной гряды
Все время незримо входил в их ряды.
Собаки брели, озираясь с опаской,
И жались к подпаску, и ждали беды.*

*По той же дороге, чрез эту же местность
Шло несколько ангелов в гуще толпы.
Незримыми делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.*

*У камня толпилась орава народу.
Светало. Означились кедров стволы.
— А кто вы такие? – спросила Мария.
— Мы племя пастушье и неба послы,
Пришли вознести вам обоим хвалы.
— Всем вместе нельзя. Подождите у входа.
Средь серой, как пепел, предутренной мглы
Топтались погонщики и овцеводы,
Ругались со всадниками пешеходы,
У выдолбленной водопойной колоды
Ревели верблюды, лягались ослы.*

*Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звезды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстие скалы.*

*Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.*

*Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на деву,
Как гостья, смотрела звезда Рождества.*

Интересен также тот факт, что стихотворение «Рождественская звезда» посвящено А. А. Блоку! Особое отношение Бориса Пастернака к творчеству Александра Блока отразилось в романе «Доктор Живаго», где главный герой решает написать стихотворение «Рождественская звезда» вместо статьи о поэте. «...**Блок – это явление Рождества во всех областях русской жизни...**» (из романа «Доктор Живаго»).

Увлекательны сравнения Бориса Леонидовича. Они необыкновенно реалистичны и живописны:

*По яркой поляне листьями слюды
Вели за хибарку босые следы.*

Слюда – это природный минерал, который является очень значимым для человека, является незаменимым во многих отраслях его деятельности. Поэт употребляет «это слово» для обозначения следов Ангелов, которые прокладывают важнейший, «значимый» путь.

Неслучайно упоминание поэтом кедра. Ведь это дерево является «Древом Господним»:

Светало. Означились кедров стволы.

Также упоминается о дубе, который является символом большой жизненной силы:

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба...

Борис Леонидович сравнивает Младенца с лучом месяца, а месяц является символом возрастающей добродетели.

Поэт создает пейзаж, в котором приметы русской природы (степь, пруд, верхушки ольхи, гнезда грачей, поле в снегу, погост, оглобля в сугробе, кожухи пастухов) «вписаны» в иное, ближневосточное пространство (верблюды, ослики в сбруе, пещера в скале). Пространство Вселенной предстает обжитым, по-домашнему теплым и уютным. Одновременно подчеркивается универсальный, общезначимый и индивидуально-личностный, «присвоенный» каждым народом смысл евангельского сюжета.

Борис Пастернак был очень чуток и аккуратен в обращении со словом. В самом начале своего поэтического пути он задекларировал: **«Давай ронять слова, как сад – янтарь и цедру рассеянно и щедро, едва, едва, едва».**

В одном из наших дайджестов мы писали о цветах в поэзии. Затронем эту тему и сегодня. В стихах Пастернака присутствуют самые простые и непритязательные садовые цветы. Поэт сумел передать цвет, фактуру растений, а еще: практически все растения, попавшие в его стихи, имеют аромат.

«... бесспорно смешон твой резон, что в грозу лиловы глаза и газоны, и пахнет сырой резедой горизонт»;

«Сырой овраг сухим дождем росистых ландышей унизан»;

«И чуб касался чудной челки, и губы - фиалки»;

«Это огненный тюльпан, полевой огонь бегоний...»;

«Где пруд, как явленная тайна, где шепчет яблони прибор»:

«Ты прячешь губы в снег жасмина...»;

«Всем роспуском кистей лилогогроздых сирень вбирает свежести струю»;

«Иван-да-Марья, зверобой, ромашка, иван-чай, татарник, опутанные ворожкой, глазают, обступив кустарник»;

«Осыпая багрянец с малины и бархатцев...»;

«В стихи б я внес дыханье роз, дыханье мяты, луга, осоку, сенокос, грозы раскаты...».

Актуализируя ботанические признаки цветов, поэт создает яркие метафоры и сравнения. Б. Пастернак, прекрасно зная ботанические и биологические особенности и характеристики растения (в детстве он увлекался ботаникой), использует в разных стихотворениях различные качества одного и того же цветка. Например, сирени:

*Ты в ветре, веткой пробующем,
Не время ль птицам петь,
Намокшая воробышком
Сиреневая ветвь!*

*У капель – тяжесть запонок,
И сад слепит, как плёс,
Обрызганный, закапанный
Мильоном синих слез.*

Пейзажные детали остаются вполне реалистическими признаками реальных растений. В первой строфе изображается сиреневая ветвь после дождя. Б. Пастернак достигает предельной художественной выразительности в сравнении мокрой сиреневой ветки с «намокшим воробышком»: по форме и цвету набухшие почки сирени напоминают воробьев.

Во второй строфе изображение становится более чётким, приближается, детализируется. Автор для описания сада использует такие эпитеты, как «обрызганный», «закапанный», и перифразу: «синих слёз». «Синими слезами» названы соцветья сирени. Сирени в лирике Б. Пастернака посвящено стихотворение, где этот цветок является заглавным образом.

*Положим, – гудение улья,
И сад утопает в стряпне,
И спинки соломенных стульев,
И черные зерна слепней.
И вдруг объявляется отдых,
И всюду бросают дела:
Далекая молодость в сотах,
Седая сирень расцвела!..*

Поэт показывает сирень, строго соблюдая точность изобразительных деталей: «гудение улья», «стряпня» сада, «спинки соломенных стульев», «черные зерна слепней». Здесь развернута экспозиция сюжета о сирени: в центре картины сад, заполненный суетой людей и насекомых. Б. Пастернак не случайно использует гастрономическую метафору. Мир – и дом, и сад, и поле – уподобляются кухонному пространству, где готовится невиданное угощение.

В изображении цветов сирени автор использует метафорический эпитет «седая». Метафора «седая» относится как к цвету сирени, так и к возрасту лирического героя. Дело в том, что цветки сирени бывают трёх основных оттенков – белые, лиловые и розовые.

Изображая это растение, автор метафорически называет белый цвет – седым. Также в изображении цветов сирени продолжается метафора дома – улья и сада. Б. Пастернак

сравнивает стихи, которые он хотел бы сочинить, с садом, в котором цветут липы. Стихи сливаются с природой, органически в неё включены:

*Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.*

Знакомясь с творчеством писателя, мы не могли пройти мимо того, как Пастернак рисует образ Урала. Красоты уральской природы для Пастернака связаны с реальными событиями его собственной жизни. В 1915 году он «бежал» из родного дома в заповедную глушь, спасаясь от грозившей ему мобилизации, больной, испуганный. Тогда, в 1915-1916 годах он все время проводил вне города, у заводчиков Збарских, ходил на охоту, посетил Кизеловские копи, а в самой Перми провел всего один день.

Урал входит в его сознание не как «территория на карте», а как особый социум, экзотическая страна, где все иначе, чем в привычном столичном мире. Главное здесь – странное сочетание цивилизации и девственной дикости:

*Уголь эху завещал:
Быть Уралом диким соснам.
Уголь дал и уголь взял.
Уголь, уголь был их крестным.*

*Целиком пошли в отца
Реки и кльки ущелий,
Черной бурей лица,
Клиньями столетних елей.*

«Станция»

Однако, несмотря на чисто «художническое» восприятие края Пастернак постигает и непривычный для него оригинальный миропорядок коренных уральцев. Огромный его интерес вызывают речь и быт Урала. **«К уральским картинам, подробностям быта и говора Пастернак возвращался всю жизнь»**, – отмечает Е.Б. Пастернак.

Второй раз писатель оказался на Урале в 1931 и 1932 годах с модными и обязательными тогда «просвещенческими» и «пропагандистскими» поездками «в народ». Правда, полностью намеченную программу он выполнить не смог (в планы входило посещение нескольких городов) и ограничился чтением своих стихов в областной публичной библиотеке в Челябинске.

Последняя его встреча с Уралом – это время эвакуации во время войны, проведенное в Чистополе (Татарская АССР). По свидетельству Б.Г. Смолицкого, в архиве Пастернака сохранился лист бумаги, на котором Пастернак записывал услышанные им забавные и необычные местные выражения, шутки, пословицы и поговорки, просто устойчивое необычное построение фразы. Когда Пастернак приступил к написанию романа «Доктор Живаго», он исследовал целый ряд источников по истории гражданской войны на Урале и в Сибири, а также читал «Народные русские сказки» и «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева, «Малахитовую шкатулку» П.П. Бажова, книгу В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Таким образом, материал к созданию конкрет-

ной художественной картины уральского края бережно собирался на протяжении долгих лет, но осталось не реализованным.

Б. Пастернак. Урал. 1916 г.

Восхищение поэта уральской природой передано в его лирических произведениях, среди которых стоит отметить стихотворение «Урал впервые», написанное в 1916 году и открывающее соответствующую тему в творчестве Пастернака. В нем описывается рождение нового дня – рассвет, но это рассвет в промышленном пространстве, где слышны резкие звуки поездов, лязг металла, где зарождающийся свет дня приобретает «промышленные» оттенки, а природные образы – пихты и сосны – оказываются робкими свидетелями громкого рождения нового света, нового огня:

*Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти,
На ночь натыкаясь руками, Урала
Твердыня орала и, падая замертво,
В мученьях ослепшая, утро рожала.
Гремя опрокидывались нечаянно задетые
Громады и бронзы массивов каких-то.
Пыхтел пассажирский. И, где-то от этого
Шарахаясь, падали призраки пихты.
Коптивший рассвет был снотворным. Не иначе:
Он им был подсыпан – заводам и горам –
Лесным печником, злоязычным Горынычем,
Как опиум попутчику опытному вору.
Очнулись в огне. С горизонта пунцового
На лыжах спускались к лесам азиатцы,
Лизали подошвы и соснам подсовывали
Короны и звали на царство венчаться.
И сосны, повстав и храня иерархию
Мохнатых монархов, вступали
На устланый наста оранжевым бархатом
Покров из камки и сусали.*

Нам очень близок анализ этого стихотворения уральской поэтессы Раисы Каменских. Приводим его без купюр:

«Это стихотворение, как и все ранние пастернаковские, трудно воспринимается при первом прочтении. Его нужно перечитать и не единожды – оно того стоит –

насладиться величию пейзажа, описанного метафоричной речью. В стихотворении первое восприятие Урала из окна поезда, обострённое нездоровьем и невысыпанием. Меняющиеся виды уральского хребта, подсвеченные первыми лучами солнца, представились поэту мощным тектоническим процессом. Живописность, масштабность явления ещё более выигрывает рядом с прозаическим замечанием: «Пыхтел пассажирский».

Далее идёт великолепная метафора: «шарахаясь падали призраки пихты» – мелькание теней деревьев рядом с ж/д полотном. Затем взгляд переходит на спокойные, ещё дремлющие дали: «Коптивший рассвет был снотворным... заводам и горам» и неожиданное сравнение, всплывшее, взятое, наверное, из вагонных разговоров: «как опий попутчику опытным вором». Спускавшихся с гор лыжников назвал азиатцами. А кто же ещё мог спускаться с безлесного хребта – ведь за ним – Азия. Вероятнее, что замеченные люди спускались с какого-то отрога, но «с горизонта пунцового» (из Азии) поэтичнее, значительнее. Неологизм «азиатцы» только украсил стихотворение. Последний катрен завершается метафорами: «Оранжевый бархат» – солнечное освещение и «покров из камки и сусали» – ажурная тень от сосен».

Несомненно, Вы, уважаемые читатели, убедились в том, что необходимо перечитать стихи и поэмы, статьи и прозу Б. Пастернака и составить собственное мнение о его таланте.

*Он награжден каким – то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,*

И он её со всеми разделил, – так писала о Борисе Пастернаке Анна Ахматова. Другая поэтесса Марина Цветаева скажет о нем: «Пастернак – большой поэт. Он сейчас больше всех: большинство из сущих были, некоторые есть, он один будет...».

ИОСИФ БРОДСКИЙ

22

«Я обожаю живопись...»

И. Бродский

Бродский был не просто поэтом, он был символом свободы, неугасимого духа творчества, живущего в сердцах людей. Жёлтые затёртые листочки самиздата со стихами поэта, тайно передаваемые из рук в руки, напоминали о том, что перемены обязательно настанут.

Культовый поэт, который ещё при жизни удостоился перехода в ранг классиков, родился 24 мая 1940 года в Ленинграде, в сложное блокадное время. Детство его прошло под знаменем бедности, эвакуаций, бомбардировок. Трудности воспитания ребёнка в таких условиях выпали на плечи матери, Марии Моисеевны Вольперт. Его отец, Александр Иванович Бродский, был военным фотокорреспондентом и практически не видел сына вплоть до 1948 года, когда был демобилизован. К тому времени мальчик уже пошёл в школу, и впоследствии постоянно менял учебные заведения. В творчестве поэта навсегда сохранился образ послевоенного Ленинграда.

Эмигрант, лауреат Нобелевской премии, гений, поэт с нелегкой судьбой, «Пушкин XX века». Это все он - Иосиф Бродский. Просто, звонко и с невероятной силой его рифма и сейчас задевает тончайшие струны человеческой души.

Иосиф Бродский часто упоминал живопись в своих стихотворениях. Он сам говорил, что картины могут стать для него источником вдохновения. Среди художников, которых поэт перенёс в свой поэтический мир, – Лукас Кранах Старший, Рембрандт, Карл Вейллинг и другие.

Например, описание луча в стихотворении «Сретение» Бродский назвал «рембрандтовским ходом»:

*И только на темя случайным лучом
свет падал Младенцу; но Он ни о чем
не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.*

Здесь поэт описал картину Рембрандта «Симеон во Храме», на которой изображен старец Симеон с Иисусом Христом на руках. Художнику Бродский также посвятил стихотворение «Рембрандт. Офорты».

*Он обнаружил в зеркале лицо, которое
само в известном смысле
есть зеркало.*

*Любое выраженье
лица – лишь отражение того,
что происходит с человеком в жизни.*

А происходит разное:

*сомненья,
растерянность, надежды, гневный смех -
как странно видеть, что одни и те же
черты способны выразить весьма
различные по сути ощущения.*

*Еще страннее, что, в конце концов
на смену гневу, горечи, надеждам
и удивлению приходит маска
спокойствия – такое ощущение,
как будто зеркало от всех своих
обязанностей хочет отказаться
и стать простым стеклом, и пропускать
и свет и мрак без всяческих препятствий.*

Таким он увидал свое лицо.

*И заключил, что человек способен
переносить любой удар судьбы,
что горе или радость в равной мере
ему к лицу: как пышные одежды
царя. И как лохмотья нищеты.*

Он все примерил и нашел, что все,
что он примерил, оказалось впору.

Стихи Бродский мог сочинять по принципу создания академического рисунка, когда детальной прорисовке предшествует жесткая арматура легкого карандашного наброска. В письме к Якову Гордину Бродский изложил принципы построения художественного текста в терминах, близких классическому учебнику рисования: «Самое главное в стихах – это композиция. Не сюжет, а композиция. Это разное. <...> Надо строить композицию. Скажем, вот пример: стихи о дереве. Начинаешь описывать все, что видишь, от самой земли, поднимаясь в описании к вершине дерева. Вот тебе, пожалуйста, и величие. Нужно привыкнуть картину видеть в целом... Частностей без целого не существует. О частностях нужно думать в последнюю очередь. О рифме – в последнюю, о метафоре – в последнюю. Метр как-то присутствует в самом начале, помимо воли, – ну и спасибо за это. Или вот прием композиции: разрыв. Ты, скажем, поёшь деву. Поёшь, поёшь, а потом – тем размером – несколько строчек о другом. И, пожалуйста, никому ничего не объясняй...».

Однако, предупреждает Бродский, для достижения необходимого эффекта «нужна тонкость, чтоб не затянуть уж совсем из другой оперы»: «Вот дева, дева, дева, тридцать строк дева и ее наряд, а тут пять или шесть о том, что напоминает ее одна ленточка. Композиция, а не сюжет. Тот сюжет для читателя не дева, а вон что творится в его душе“... Связывай строфы не логикой, а движением души – пусть тебе одному понятным. <...> Главное – это тот самый драматургический принцип – композиция. Ведь и сама метафора – композиция в миниатюре».

В комментарии к «Венецианским строфам» он затрагивает проблематику оперирования цветовой гаммой в литературном тексте: «У меня была такая идея написать вид города в разное время дня. Как у Лоррена в Эрмитаже, и Пуссен этим тоже занимался: пейзаж в разное время дня или в разное время года. Ну да, и Моне с Руанским собором, но это было потом. Я, прежде всего, имел в виду Лоррена, потому что Венеция – это лорреновский фантастический город у водички. Я решил сделать описание Венеции утром и Венеции вечером, ночью».

*День. Невесомая масса взятой в квадрат лазури,
оставляя весь мир – всю синеву! – в тылу,
припадает к стеклу всей грудью, как к амбразуре,
и сдаётся стеклу.*

*Кучерявая свора тщится настигнуть вора
в разгоревшейся шапке, норд-ост суля.
Город выглядит как толчея фарфора
и битого хрусталя.*

В своих стихотворениях Бродский нередко обращается к пейзажу, трактуя это понятие с позиций живописи. Но воспоминания о месте не имеют для поэта особого значения: «все, в рамку заключенное, частично мертво и неподвижно», но чувства, которые навсегда остались в прошлом, невозможно забыть в новой жизни. Пейзаж в поэзии в представлении Бродского имеет много общего с особенностями данного жанра в живописи: описание того, что происходит вокруг, – это попытка мастера удержать, зафиксировать события и детали действительности. Не столько важно изображение пространства, где происходят описываемые события, сколько важны чувства, которые ассоциируются с названиями ландшафтных объектов.

Зачастую в произведениях Бродского описание пейзажа ограничивается лишь названием ландшафтного объекта (море, лес, горы, холмы):

*Лес по краям. Блестящий снег хрустит,
никак не различить теней нерезких...*

«Притча»

*И море, гребни чьи несут черты
того пейзажа, что остался сзади,
бежит навстречу...*

«Einem alten Architekten in Rom»

Словом, встречающимся в стихотворениях наиболее часто, является - море. Вся биография Иосифа Бродского была связана с морем. Родился он в Ленинграде, на берегу Балтийского моря, «подле серых цинковых волн...».

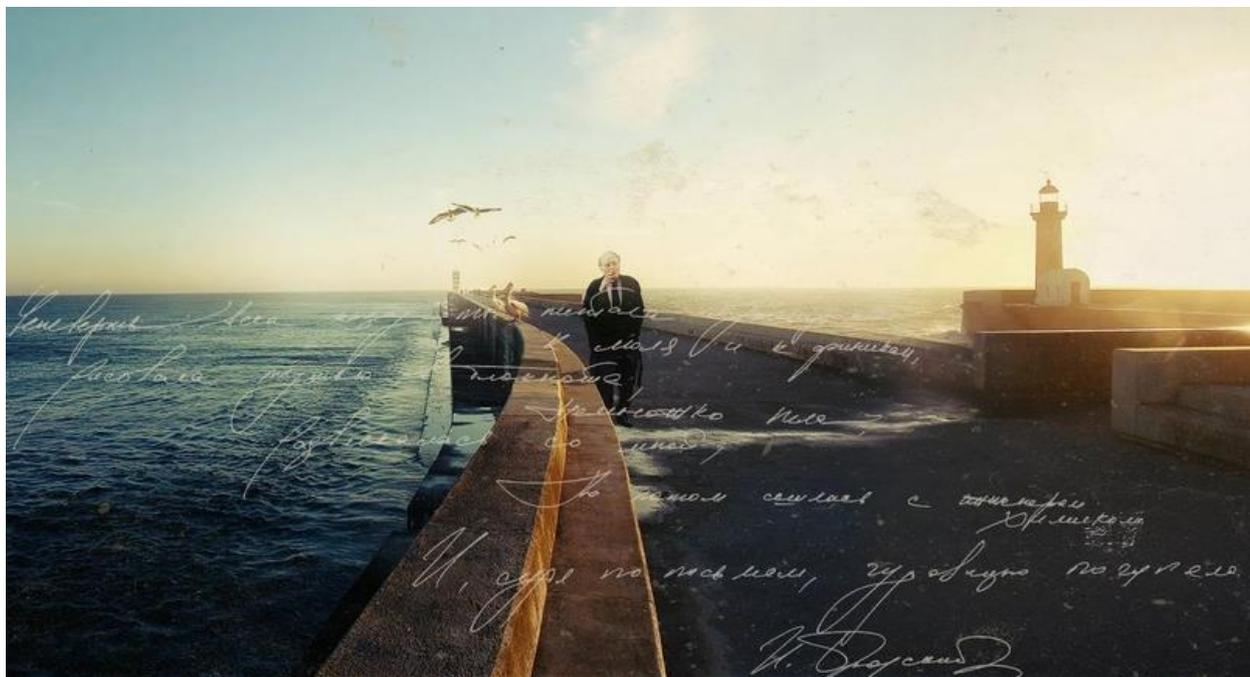
Оттуда Бродский в 1972 году вынужден был эмигрировать в США. В Нью-Йорке он поселился тоже у воды. Его любимым городом была Венеция, отчасти из-за её сходства с Ленинградом. В произведениях поэт часто подчеркивает свою неразрывную связь с морем:

Да, это море. Именно оно.

Пучина бытия, оттуда все мы...

«Горбунов и Горчаков»

В стихотворениях Бродского часто можно встретить морской пейзаж, но не конкретные детали, связанные с морем. Мы видим, что море как часть какого-либо определённого ландшафта менее интересно Бродскому, чем море как философское пространство.

26

Бродский в своей поэзии стремился не только к красоте языка, но и даже к внешней красоте своих произведений. Достаточно часто в стихотворениях Бродского встречаются сравнения:

*Одни леса стоят стеной вокруг,
а только дождь в траве огромной пляшет.*

«Большая элегия Джону Донну»

*Пойдем туда, где реки все блестят,
как твой кинжал, но плоть ничью не ранят.*

«Исаак и Авраам»

*Зубчатый фронт, как будто черный лес,
над Исааком, все стволы притихли.*

«Исаак и Авраам»

*И, как смерть холодна,
роща стоит одна,
без стремленья вослед,
без особых примет.*

«Ветер оставил лес...»

В «Предисловии к антологии русской поэзии XIX века» Иосиф Бродский напишет: «Хорошее стихотворение – это своего рода фотография, на которой метафизиче-

ские свойства сюжета даны резко в фокусе. Соответственно, хороший поэт – это тот, кому такие вещи даются почти как фотоаппарату, вполне бессознательно, едва ли не вопреки самому себе. Стихотворение, конечно, должно запоминаться, однако помогает ему закрепиться в памяти не одна лишь языковая фактура. Его острота обеспечивается метафизикой, наличием в высказывании сходства с абсолютной ценностью».

Зиме Бродский посвятил не одно стихотворение: «Откуда к нам пришла зима», «Письма счастливой зимы», «Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве» и т.д., а в «Набережной неисцелимых» говорит о зиме как о своего рода катализаторе восприятия мира: «...зима – абстрактное время года; бедное красками... и щедрое на императивы холода икороткого светового дня. Эти вещи настраивают глаз на внешний мир с энергией большей, чем у электрической лампочки, которая снабжает тебя по вечерам чертами лица. Если это время года и не всегда умиряет нервы, оно всё-таки подчиняет их инстинктам: красота при низких температурах – настоящая красота».

Зима – это время Рождественских и зимних стихов Иосифа Бродского.

*Спаситель родился в лютую стужу.
В пустыне пылали пастушьи костры.
Буран бушевал и выматывал душу
из бедных царей, доставлявших дары.
Верблюды вздымали лохматые ноги.
Выл ветер. Звезда, пламенея в ночи,
смотрела, как трех караванов дороги
сходились в пещеру Христа, как лучи.*

«Рождество 1963 года»

Для Бродского предпочтение зимы остальным временам года – это еще и явление профессиональное, так как зима, как говорил он сам, – это черно-белое время года, то есть страница с буквами.

*Зазимуюем же тут, с чёрной обложкой рядом,
проницаемой стужей снаружи, отсюда – взглядом,
за бугром в чистом поле на штабель слов
пером кириллицы наколов.*

«Заморозки на почве и облысение леса...»

В стихотворениях Бродского о зиме чувствуется свой трагический мир. Его произведения обладают особым звучанием, которое узнается сразу. От зимней лирики Иосифа Бродского веет холодом и отчужденностью. Но это холод не от снега, это холод от бесконечно страдающей души лирического героя.

Каждое стихотворение Иосифа Бродского – настоящая философская притча, размышление о жизни, о человек и о себе.

У Бродского встречаются стихи, где холод обособляется, становится сам по себе предметом описания, самостоятельной всеобъемлющей метафорой. Сегодня мы публикуем одно из поэтических произведений, которое заставляет задуматься о том, насколько важна душевная теплота в современном мире – **«Откуда к нам пришла зима»:**

*Откуда к нам пришла зима,
не знаешь ты, никто не знает.*

*Умолкло все. Она сама
холодных губ не разжимает.
Она молчит. Внезапно, вдруг
упорства ты ее не сломишь.
Вот оттого-то каждый звук
зимою ты так жадно ловишь.*

*Шуршанье ветра о стволы,
шуршанье крыш под облаками,
потом, как сгнившие полы,
скрипящий снег под башмаками,
а после скрип и стук лопат,
и тусклый дым, и гул рассвета...
Но даже тихий снегопад,
откуда он, не даст ответа.*

*И ты, входя в свой теплый дом,
взбежав к себе, скажи на милость,
не думал ты хоть раз о том,
что где-то здесь она таилась:
в пролете лестничном, в стене,
меж кирпичей, внизу под складом,
а может быть, в реке, на дне,
куда нельзя проникнуть взглядом.*

*Быть может, там, в ночных дворах,
на чердаках и в пыльных люстрах,
в забитых досками дверях,
в сырых подвалах, в наших чувствах,
в кладовках тех, где свален хлам...
Но видно, ей там тесно было,
она росла по всем углам
и все заполонила.*

*Должно быть, это просто вздор,
скопленье дум и слов неясных,
она пришла, должно быть, с гор,
спустилась к нам с вершин прекрасных:
там вечный лед, там вечный снег,
там вечный ветер скалы гложет,
туда не всходит человек,
и сам орел взлететь не может.*

*Должно быть, так. Не все ль равно,
когда поднять ты должен ворот,
но разве это не одно:
в пролете тень и вечный холод?
Меж ними есть союз и связь
и сходство – пусть совсем немое.
Сойдясь вдвоем, соединясь,
им очень просто стать зимою.*

*Дела, не знавшие родства,
и облака в небесной сини,
предметы все и вещества
и чувства, разные по силе,
стихии жара и воды,
увлекшись внутренней игрою,
дают со временем плоды,
совсем неожиданные порою.*

*Бывает лед сильнее огня,
зима – порой длиннее лета,
бывает ночь длиннее дня
и тьма вдвойне сильнее света;
бывает сад громаден, густ,
а вот плодов совсем не снимешь...
Так берегись холодных чувств,
не то, смотри, застынешь.*

*И люди все, и все дома,
где есть тепло покуда,
произнесут: пришла зима.
Но не поймут откуда.*

Напомним, отец Бродского был фотографом, и сам поэт воспринимает мир в основном через зрительный образ. А зимой природа больше чем когда-либо похожа на чёрно-белую фотографию. Не случайно исследователь Дмитрий Леонидович Лакербай сравнивает стихи Бродского с кадрами киноленты.

Основные темы «зимних» стихотворений Бродского – размышления о времени, жизни и смерти, вечности. Они присутствуют, например, в стихотворении 1965 г. **«На смерть Т.С. Элиота»**:

*Он умер в январе, в начале года.
Под фонарём стоял мороз у входа.
Не успевала показать природа
ему своих красот кордебалет.
От снега стёкла становились уже.
На перекрёстках замерзали лужи.
Под фонарём стоял глашатай стужи.
И дверь он запер на цепочку лет.*

Тема Времени играет важную роль в творчестве Бродского. Его стихотворные строчки часто навевают размышления о времени:

*Остановись, мгновенье! Ты не столь
прекрасно, сколько ты неповторимо.*

29

– такими словами заканчивается стихотворение **«Зимним вечером в Ялте»**.

Своё понимание зимы Бродский выразил в **«Эклоге 4-ой (зимней)»**. В этом произведении каждая строчка напоминает о существовании времени, причём оно отождествляется с холодом: «Время есть холод». Частично эта идея объясняется следующими словами:

*В феврале, чем позднее, тем меньше ртути.
Т.е. чем больше времени, тем холоднее...*

Идея, что холод олицетворяет собой время, лежит в основе всей эклоги. Человек оказывается единственной преградой между холодом и временем, а космос – местом, где эти понятия сливаются воедино:

*В сильный мороз даль не поёт сиреной.
В космосе самый глубокий выдох
не гарантирует вдоха, уход – возврата.
Время есть мясо немой Вселенной.
Там ничего не тикает. Даже выпав
из космического аппарата,
ничего не поймаете: ни фокстрота,
ни Ярославны, хоть на Путивль настроясь.
Вас убивает на внеземной орбите
отнюдь не отсутствие кислорода,
но избыток Времени в чистом, то есть
без примеси вашей жизни виде.*

В «зимних» стихотворениях часто упоминается снег. У Бродского это понятие приобретает глубокий, сокровенный смысл. Возможно, из-за своей белизны, снег для него – что-то неземное, он появляется «как из небытия». В «**Эклоге 4-ой**» снег – «сухая, сгущённая форма света». А в стихотворениях «**Осенний крик ястреба**» и «**Муха**» он фигурирует как символ бесконечности, бессмертия.

Снег – временное явление. Это также напоминает о времени, а ещё – о скоротечности жизни. Например, стихотворение «**Разговор с небожителем**» заканчивается такими словами:

*...Апрель. Страстная. Всё идёт к весне.
Но мир ещё во льду и в белизне.
И взгляд младенца,
ещё не начинавшего шагов,
не допускает таянья снегов.
Но и не деться
от той же мысли – задом наперёд –
в больнице старику в начале года:
он видит снег и знает, что умрёт
до таянья его, до ледохода.*

В стихах, написанных весной, ощущается глубокое разочарование. Разочарование в любви, в друзьях, в жизни вообще. Возможно, в это время года, с пробуждением природы, вспоминаются и все былые переживания, несбывшиеся надежды.

Лето также не вызывает у Бродского особой симпатии. Этот сезон – время отдыха, расслабления. В природе всё спокойно, и желания о чём-либо думать не возникает.

*Лето! пора... тишины объятых
сонным покоем лесных лужаек,
где в полдень истома глаза смежает.*

«Эклога 5-я (летняя)»

В этом и в других «летних» стихотворениях сравнительно немного размышлений, философии, они носят скорее описательный характер. Так, если в «зимней эклоге» речь идёт в основном о времени, то в «летней эклоге» оно не упоминается вообще. Больше внимание в ней уделяется зрительным образам, причём создаётся впечатление, что автору неинтересно всё то, что он видит; ясно представляется, как он окидывает пространство скучающим взглядом:

*...и в верхотуре
только журавль, а не вестник бури.
Слава нормальной температуре! –
на десять градусов ниже тела.
Слава всему, до чего есть дело.
Всему, что ещё вам не надоело!
Рубашке, болтающейся, подсохнув,
панаме, выглядящей как подсолнух,
вальсу издалика «На сопках».*

Наступление осени – важное событие. Пока зеленеет трава и светит солнце, обстановка не настраивает на размышления, но увядание природы – повод задуматься. В «осенних» стихах Бродского затрагиваются серьёзные темы; одна из главных – тема одиночества. Она лежит в основе стихотворения **«Июльское интермеццо»**:

*...Приближается осень, какая по счёту, приближается осень,
новая осень незнакомо шумит в листьях,
вот опять предо мною проезжают, проходят ночью,
в белом свете дня красные, неизвестные мне лица.*

В этом стихотворении чувство одиночества связано с воспоминаниями:

*...знакомые, случайные соседи этажом выше,
наши одноклассники, наши учителя – да, все вместе, –
почему я их больше не вижу,
куда они все исчезли...
...Неужели все они мертвы, неужели это правда,
каждый, кто любил меня, обнимал, так смеялся,
неужели я не услышу издали крик брата,
неужели они ушли,
а я остался.*

Осенью Бродский чаще, чем когда-либо обращает внимание на связь между человеком и природой. Особенно это заметно в ранних стихотворениях, таких как **«Сад»**, **«Проплывают облака»** и **«Новые стансы к Августе»**:

*Во вторник начался сентябрь.
Дождь лил всю ночь.
Все птицы улетели прочь.
Лишь я так одинок и храбр,
что даже не смотрел им вслед.
Пустынный небосвод разрушен,
дождь стягивает просвет.
Мне юг не нужен.*

Обращение к мотиву осенней поры – времени, вдохновляющего на творение стихов, – встречается в стихотворении **«Сумерки. Снег. Тишина. Весьма...»** (1966). А создателем стихов, автором оказывается сама осень:

*Пестроту июля, зелень весны
осень превращает в черные строки,
и зима читает ее упреки
и зачитывает до белизны.*

С каждым временем года у поэта связаны свои настроения, мысли и ассоциации. Зимой главенствующую роль играет тема времени, летом – повторяемость, однообразие, утомлённость, а весной и осенью – воспоминания, вызывающие чувство одиночества, разочарования, бессмысленности жизни.

Иосиф Бродский на балконе своей квартиры на Литейном проспекте. Фотопортрет А. Бродского

«...В Петербурге есть эта загадка – он действительно влияет на твою душу, формирует ее», – так в одном из поздних интервью Иосиф Бродский высказался о городе, в котором родился и вырос.

В его поэтическом видении Город-чудо Пушкина обретает черты Города-храма, и в этом единственном Храме на Земле герой Бродского готов принять смерть и услышать собственное отпевание:

*...пусть меня отпоет,
пусть меня, беглеца, осенит
белой ночью твоя
неподвижная слава земная.*

В 1972 году Бродский покидает родной город, эмигрируя в Америку. Поэт и в эмиграции подетально воскрешает в памяти его облик, одновременно осмысляя тот опыт понимания жизни, который преподнес ему Петербург:

*Там был город, где, благодаря
точности перспектив,
было вдогонку бросаться зря, что-либо упустив.*

И вполне закономерно, что в центре первых крупных произведений этого периода – «Три главы», поэма «Гость» и особенно «Петербургский роман» – родной город поэта (Часть II. Времена года Глава 11):

*Хлопки сентябрьских парадных,
свеченье мокрых фонарей.*

*Смотри: осенние утраты
даров осенних тяжелей,*

*И льется свет по переулкам,
и палец родственной души
все пишет в воздухе фигуры,
полуодевшие плащи,*

*висит над скомканным газоном
в обрывках утренних газет
вся жизнь, не более сезона,
и дождь шумит тебе в ответ...*

В диалогах с Соломоном Волковым, Бродский скажет: **«Мне кажется, в Петербурге самые сильные детские или юношеские впечатления связаны с этим необыкновенным небом и с какой-то идеей бесконечности. Когда эта перспектива открывается – она же сводит с ума. Кажется, что на том берегу происходит что-то совершенно замечательное».**

Тема бесконечности, широкого простора, пространства часто в творчестве Бродского, особенно в прозе, связана с Невой: «То, что в [Амстердаме] росло вверх, в [Петербурге] растекалось горизонтально, при том же размахе. Ибо уже сама ширина реки требует иных архитектурных масштабов» («Путеводитель по переименованному городу», 1979). «Серое зеркало реки, иногда с буксиром, пыхтящим против течения, рассказало мне о бесконечности и стоицизме больше, чем математика и Зенон» («Меньше единицы», 1976). Не это ли «против течения» определяет главное в характере Петербурга? Да и «своим быстрым ростом и великолепием город обязан повсеместному там наличию воды» («Путеводитель по переименованному городу»).

В тех стихотворениях Бродского, где действие происходит в Петербурге, обязательно появляется или сама Нева, или слышен «шорох», «шелест» ее волн. Позже, уже вдали от Родины, Бродский, вспоминая Петербург, чаще всего заговаривает о реке, причем заговаривает всегда особенным образом, так, что ясно: речь пойдет не о какой-то другой реке в каком-то другом городе, а именно о Неве и о Петербурге. «Шорох» Невы поэт слышал «с самого рождения» («я родился в большой стране, // в устье реки»), в его стихах она стала своего рода «визитной карточкой» города:

*Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река
высовывалась бы из-под моста, как из рукава – рука,
и чтоб она впадала в залив, растопырив пальцы,
как Шопен, никому не показывавший кулака.*

«Развивая Платона»

Бродский так и не вернулся в Россию, не исполнил собственного обещания, данного в одном из самых известных своих стихотворений:

*Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.*

*На Васильевский остров
я приду умирать.*

*Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду,
между выцветших линий
на асфальт упаду...*

В свой Петербург Бродский уже не мог попасть «ни за какое золото».

*Есть города, в которые нет возврата.
Солнце бьется в их окна, как в гладкие зеркала.
То есть, в них не проникнешь ни за какое золото.
Там всегда протекает река под шестью мостами.
Там есть места, где припадал устами
тоже к устам и пером к листам.
И там рябит от аркад, колоннад, от чугунных пугал;
там толпа говорит, осаждая трамвайный угол,
на языке человека, который убыл.*

«Декабрь во Флоренции»

Бродский возвратился лишь стихами... В одном из многочисленных своих интервью он прямо говорит: **«Россия – это мой дом, я прожил в нём всю свою жизнь, и всем, что имею за душой, я обязан ей и её народу. И главное – её языку».**

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

«Многоцветны и многокрасочны есенинские пейзажи. Природа играет и переливается всеми цветами, образы живописны, словно акварелью нарисованные».
И. Сельвинский, поэт

36

Поэзию Сергея Есенина можно назвать живописью в силу её яркости и красочности. Поэт рисует яркие образы, передающие всю красоту родной природы и богатство её красок.

Большое место в творчестве Есенина занимают зримые образы, которые используются поэтом как средство живописи и передают многообразие оттенков природы. Например: «черёмуха душистая», «рыжий месяц жеребёнком запрягался в наши сани», «во мгле сырой месяц, словно жёлтый ворон...вьётся над землёй».

Цветовая гамма помогает поэту эмоционально воздействовать на читателя, заставляя сопереживать лирическому герою. Особенно часто в творчестве Есенина встречаются синий и голубой цвета – любимые цвета поэта, к тому же часто встречающиеся в природе: цвет неба и воды.

Есенина неоднократно называли удивительным художником слова, способным представить мир русской природы во всем обилии красок и оттенков. Многие исследователи творчества поэта отмечали его художественную близость русским живописцам – В.М. Васнецову, М.В. Нестерову, М. Шагалу, И.И. Левитану.

«Сродни мне и Левитан. Идешь от одной картины к другой ... смотришь и думаешь: «Да ведь это мое, родное, близкое мне с детства вошедшее в сердце...», – говорил поэт.

Есенин готовил в 1924 году к выходу свое собрание сочинений. В предисловии к нему он писал о «своем» читателе: «В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на ту образность, которая указала путь многим и многим поэтам...».

Поэты пишут словами, но когда мы читаем, главным для нас становятся не слова, точнее не сами слова, а те «картины», которые создает автор самыми обычными словами. **«Поэту нужно всегда раздвигать зрение над словом»** – писал Есенин в одном из своих писем. То есть он призывает поэта, а вслед за ним и читателя, видеть больше, чем может означать слово в повседневной нашей речи. Именно «видеть»!

Не слышать или чувствовать, а видеть! Поэтому большое место в творчестве Есенина занимают художественные образы, не чувства и переживания автора, не форма и звучность, а именно зримые живописные образы. Эти образы используются поэтом как средство живописи, передают многообразие оттенков природы, богатство её красок («черёмуха душистая», «рыжий месяц жеребёнком запрягался в наши сани», «во мгле сырой месяц, словно жёлтый ворон...вьётся над землёй»).

Природные явления не просто оживают в его стихах – они живут так же, как человек, вместе с ним, совершенно от него неотделимо:

*черемуха «спит в белой накидке»,
вербы плачут,
тополи шепчут,
«туча кружево в роще связала»,
«пригорюнились девушки - ели»,
«улыбнулась солнцу сонная земля»,
«словно белою косынкой подвязалась сосна»,
«плачет метель, как цыганская скрипка»,
«березы в белом плачут по лесам»,
«тихо – в чаще можжевеля по обрыву, осень – рыжая кобыла –
чешет гриву»,
сосна «покачнулась как старушка»,
«чистит месяц рога».*

Поэзия Есенина – именно «живопись» в силу своей яркости и многокрасочности. Краски делают любой образ более рельефным и выразительным. Есенинские образы включают в себя и зрительные, и слуховые ощущения.

*Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый крутосклон.*

Есть у поэта стихотворения, где образ создаётся целиком за счёт игры красок, когда в нескольких строчках представлена целая палитра из чёрного, белого, красного, синего и серого цветов.

*Синее небо, цветная дуга,
Тихо степные бегут берега,
Тянется дым, у малиновых сёл
Свадьба ворон облегла частокол.
Снова я вижу знакомый обрыв
С красною глиной и сучьями ив,
Грезит над озером рыжий овёс,
Пахнет ромашкой и мёдом от ос.*

«Синее небо, цветная дуга...»

Особенно часто мы встречаемся в творчестве Есенина с синим и голубым цветом. Это любимые цвета поэта, к тому же часто встречающиеся в природе: цвет неба и воды.

*За тёмной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягнёночек кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.
В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, –
И кажется с тропы далёкой –
Вода качает берега.*

Синий цвет у Есенина символизирует покой, тишину, умиротворённость: «тёплая синяя высь», «синяющий залив», «равнинная синь», «синий вечер», «синий сумрак» и т.д. Часто это не просто умиротворённость природы, но и душевный покой самого лирического героя.

Есенин считает, что в самом имени «Россия» спрятано «синее что-то». Он так говорит Вс. Рождественскому: «**Россия! Какое хорошее слово... И “роса”, и “сила”, и “синее”**

что-то!». Синий поэт считал цветом не бытовым, а как бы символическим, означающим «божественность»!

Русь залита в стихах голубым, божественным светом, окутана вечной тайной и непостижимостью:

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.*

*Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережёт голубую Русь
Старый клён на одной ноге.*

Хочется особое внимание обратить на следующие строки:

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.*

«Заметался пожар голубой»

Выражение «пожар голубой» употреблено в переносном значении и обозначает бурное чувство любви, охватившее лирического героя. Но почему «голубой»? Потому что это цвет радости, молодости, красоты.

В своей художественной палитре из всех оттенков красного Есенин предпочитает алый. В лирике поэта этот цвет символизирует непорочность, незапятнанность, чистоту. С «алым» сливается женский облик:

*С алым соком ягоды на коже,
Нежная красивая была.
На закат ты розовый похожа
И как меч лучиста и светла.*

Есенину также нужен малиновый образ, чтобы показать, как окрашивается мир в его воображении. Между действительным миром и читателем все время стоит сам поэт и как бы присоединяет свое видение к видению читателя. Для Есенина же со словом – образом «малиновый» связано множество чисто русских ассоциаций: малиновый звон колоколов, малиновые меха тальянки, мелодия песни «Калинка – малинка моя».

*О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озёрную тоску.
Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить –*

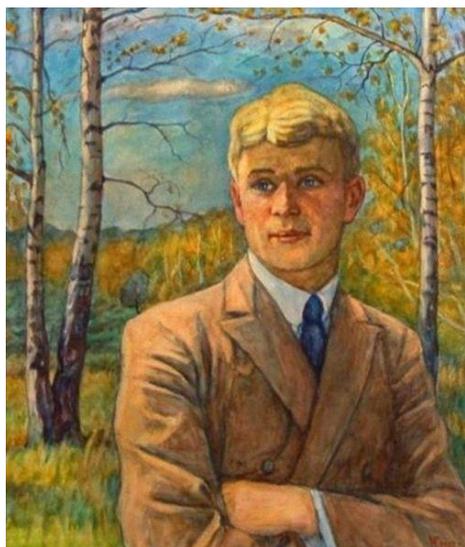
*Я научиться не могу.
«Запели тёсаные дороги...»*

Правда пользуется он этой краской редко и бережливо. Чаше заменяет малиновые «земли» менее изысканными цветами:

*На лазоревые ткани
Пролил пальцы барянец...
Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань...
Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход...
Выткали на озере алый свет зари.*

Особое место в творчестве Есенина принадлежит золотому. Это не только цвет осени, цвет увядания. Порой он подчёркивает особую ценность того, о чём пишет поэт.

*Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

*Отговорила роща золотая
Берёзовым, весёлым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.*

*Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –
Пройдёт, зайдёт и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.*

*Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности весёлой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль...*

Может быть, в русской литературе и найдётся автор, чья палитра так же богата красками, как есенинская. Но ни у одного поэта краски не несут такой смысловой нагрузки. С помощью цвета Есенин выражал свои мысли и чувства.

Как отмечает сам поэт: **«Вся жизнь наша есть не что иное, как заполнение большого, чистого полотна рисунками».**

У Есенина «зелёный» символизирует юность, надежду, веселье, хотя порой и незрелость, недостаточное совершенство. Зелёный цвет действует на читателя успокаивающе.

*Зелёная причёска,
Девическая грудь,
О тонкая берёзка,*

*Что загляделась в пруд?
Сыпнет черёмуха снегом,
Зелень в цвету и росе,
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.*

Жёлтый цвет – горький цвет. Сергей Есенин в своем творчестве использует оттенки желтого цвета – золотой, рыжий. В ранних стихах Есенина звучит мотив «погибшей души», горький жёлтый цвет врывается в творчество поэта.

*Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет,
Одержимый тяжёлой падучей,
Я душой стал как жёлтый скелет.*

Творчество Есенина имеет сильное корневое основание в народных традициях. Его стихи насыщены народным фольклором, что делает их особенно близкими и понятными для народа.

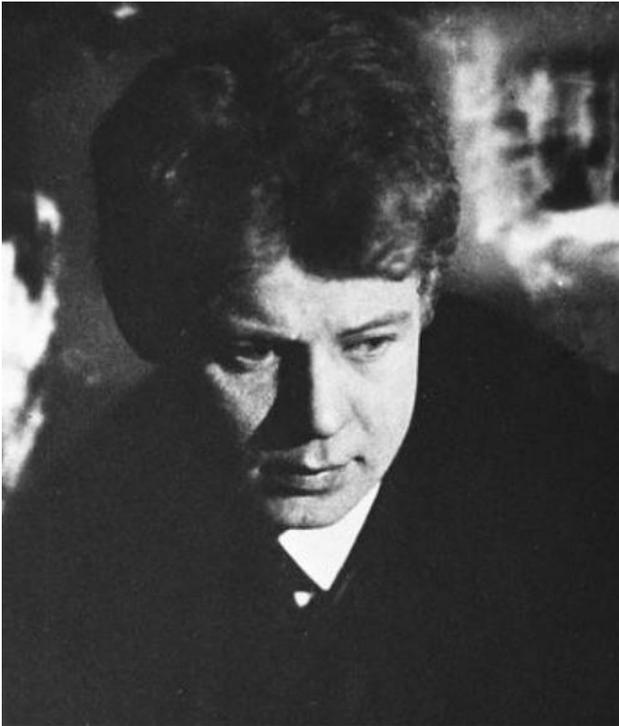
Примеры взаимодействия с народными мотивами можно увидеть в сборниках «Радуница» и «Пепел», где поэт мастерски использует язык и образы, присущие русским народным сказаниям.

Этот синтез позволяет создать нечто большее, чем просто поэтические строки; это целая культура, запечатлённая в словах.

*Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.*

Наиболее характерным для древнерусской литературы является употребление 2-х цветов – белого для обозначения всевозможных дел и побуждений и чёрного – для показа злых сил. Такая символизация цветом была обычной в Древней Руси. Эту традицию впитал в свою поэзию Есенин.

Наиболее ярко это демонстрируется в поэме «Чёрный человек», где всё страшное, беспощадное, злое отношение к душевному миру человека, его переживаниям олицетворяется в чёрном, дьявольском подобии человека. Есенин редко пишет белым, но всегда по белому. Поскольку этот цвет поглощает все другие цвета, он имеет негативное значение. Чёрный цвет ассоциируется со страданием, печалью, страхом, безысходностью, внутренней душевной пустотой. В данном контексте цветообраз «чёрный человек» является отражением всех отрицательных качеств героя. Этот образ отражает болезнь души, которая не даёт покоя лирическому герою, подавляет, вводит его в состояние затянувшейся депрессии.

*Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...*

*...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...*

В произведениях последних лет своей жизни Есенин часто использует белый цвет, например стихотворение «Снежная равнина, белая луна»:

*Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И берёзы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь?
Умер?
Уж не я ли сам?*

Белый – это цвет снега и мела. Этот цвет включает в себя все цвета спектра. Он весьма противоречивый: с одной стороны он символизирует чистоту, невинность, а с другой траур, смерть. Цветообразы «снежная равнина» и «белая луна», в которых цвет выполняет не только изобразительную и предметную функцию, но и отражает внутреннее состояние лирического героя.

Есенин нередко использовал и такой прием: он, как художник, размывал на холсте цвета, убирал четкие линии и позволял цветам переходить друг в друга. К примеру, в стихотворении «Дымом поповодье» общим фоном является желтый («Жёлтые поповодья / Месяц уронил»), который затем переходит в рыжий («Церквами у прясел / Рыжие стога»), а заканчивается стихотворение в черных и темно-синих тонах:

*Заунылым карком
В тишину болот
Чёрная глухарка
К всеобщей зовет.
Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой*

За твою судьбу.

Марченко Алла Максимовна, литературовед, литературный критик, в своей статье «Золотая словесная груда...» (О некоторых особенностях образной системы Есенина-лирика) пишет о совпадении целого ряда образов Есенина с образами классической японской поэзии:

У нас нет никаких фактов, свидетельствующих о знакомстве Есенина с памятниками древней японской поэзии, совпадение говорит, вероятно, только о том, что и японским древним поэтам и Есенину образы были подсказаны самой землей, бесконечно поэтичной. Им одинаково светило солнце, дул ветер, ворожила луна, весной расцветали вишни, и их легкие лепестки напоминали недавно сошедший снег...

Сравните:

Есенин:

*А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам.
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.*

Древний японский поэт:

*И вижу я –
Скрывается, плывя,
В лесу полных звезд – ладья луны.*

Есенин:

*Как метель, черемуха.
Машет рукавом.*

Средневековый японский поэт:

*Лишь там, где опадает вишни цвет,
Хоть и весна, а в воздухе летают
Пушинки снега...*

Есенин:

*Словно яблонный цвет, седина
у отца пролилась в бороде.*

Средневековый японский поэт:

*Нет, то не снег цветы в саду роняет,
Когда от ветра в лепестках земля,
То седина...*

Есенин:

*О, какими, какими метлами.
Это солнце с небес стряхнуть?*

Японский поэт позднего средневековья:

*Бунтует осенний вихрь,
Едва народившийся месяц.
Вот-вот он сметет с небес.*

Читая есенинские строки невольно возникает параллель с живописным творчеством К. Петрова-Водкина. Художник вёл борьбу за новое «цветоощущение», за возвращение к ясности, к классическому трёхцветному «красный – синий – жёлтый». К цвету он подходил как мастер-философ. Есенин также обладал глазом, очень тонко воспринимающим «цветовые характеристики природы». В его стихах нет однообразия. Как только пейзаж становится чересчур однообразным, зелёным, Есенин вводит в лирический ландшафт алый, красный цвета.

Картина Петрова-Водкина «Фантазия». 1925 год

*Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.*

*Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.*

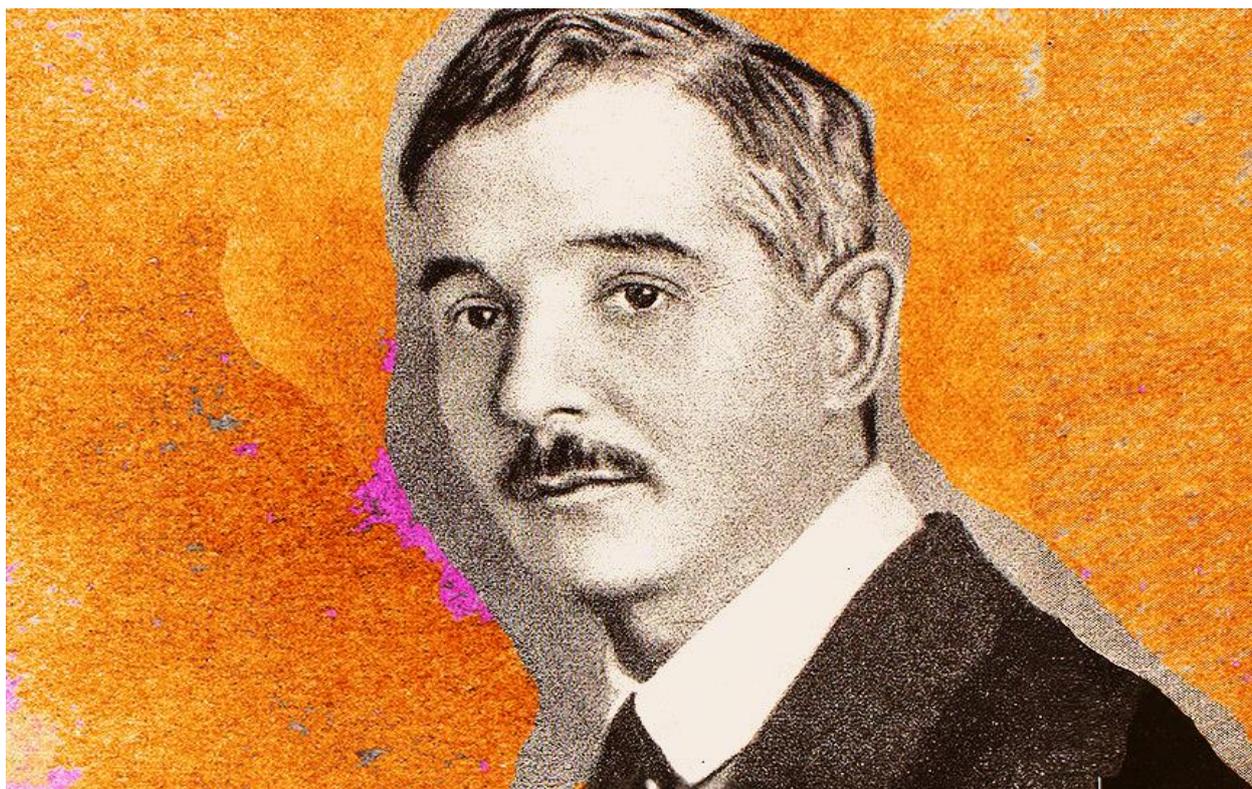
«Пантократор»

У Есенина врождённая точность художественного зрения. Как и Петров-Водкин использует классическое трёхцветие:

*Под красным вязом крыльцо и двор.
Луна под крышей как злат бугор.
На синих окнах накапал лик.*

С помощью слов, соответствующим краскам, Есенин сумел передать тончайшие эмоциональные оттенки, изобразить самые интимные движения души. Его цветовая гамма способствовала передаче различных настроений, романтической одухотворённости, придала свежесть образам. Там, где, казалось, пейзаж обычен, где свет и тени не захватывают внезапно воображение, где на первый взгляд, в природе нет броских, запоминающихся картин и многое уже примелькалось, поэт вдруг неожиданно и смело открывает новые краски. Синее, голубое, алое, зелёное, рыжее и золотое брызжет и переливается в есенинских стихах.

САША ЧЕРНЫЙ

«Саша Черный – один. И в этом-то заключается прелесть его оригинальной личности». А.И. Куприн

45

13 октября исполняется 145 лет со дня рождения Саши Черного, одного из тех поэтов Серебряного века, чьи стихи до сих пор звучат очень современно. Его сложно поместить в какую-то одну категорию. Начинал с язвительной политической сатиры, а закончил трогательными рассказами для детей. Был одним из лучших авторов легендарного журнала «Сатирикон», но всегда оставался белой вороной среди коллег-юмористов. Сначала ждал революции, потом терпеть не мог большевиков. Современники считали, что Черный сиюминутен, но много лет после его смерти Шостакович, Грядский и другие композиторы писали музыку на его стихи.

Поэзия С. Черного привлекает красочностью и богатством ритмов, характерной разговорной интонацией с использованием бытовой лексики, оригинальным и разработанным, по словам Н. Гумилева, стихом.

*Замираю у окна.
Ночь черна.
Ливень с плеском лижет стёкла.
Ночь продрогла и измокла.
Время сна.
Время тихих сновидений,
Но тоска прильнула к лени,
И глаза ночных видений
Жадно в комнату впились.
Закачались, унеслись.*

*Тихо новые зажглись...
Из-за мокрого стекла
Смотрят холодно и строго,
Как глаза чужого бога, –
А за ними дождь и мгла.
Лоб горит.
Ночь молчит.
Летний ливень льнёт и льётся.
Если тело обернётся, -
Будет свет,
Лампа, стол, пустые стены,
Размышляющий поэт
И глухой прибой вселенной.*

«Замираю у окна»

Лирический герой в этом произведении абстрагируется от своего «Я»: мы видим его около окна, наблюдающего за ночным ливнем, потом план изображения смещается, и мы понимаем, что обернувшись, он увидит самого себя. Ночь, ливень, в сознании лирического героя наделяются жизнью, которая затем пытается всмотреться в него самого. С помощью олицетворения автором рисуется одухотворённая картина дождливой летней ночи: «ливень лижет стёкла», подобно собаке, лижущей руку человека, «ночь продрогла и измокла» напоминает нам попавшего под дождь прохожего, забывшего захватить зонтик, «тоска прильнула к лени», «летний ливень льнёт», как дети льнут к матери, «ночь молчит» так же, как и человек.

Эпитеты: «ночь черна», «тихих сновидений», «ночных видений», «жадно впились», «новые зажглись», «из-за мокрого стекла», «смотрят холодно и строго», «чужого бога», «летний ливень», «размышляющий поэт», «глухой прибой, придают речи динамику.

Лирическая тема, заявленная в начале, проходит через весь текст произведения, реализуется посредством самых разнообразных художественно-изобразительных приёмов, и находит своё подтверждение в финале.

Одним из секретов волшебства Саши Черного было искусство перевоплощения. Он мог без всякого труда представить себя, хотя бы, бабочкой, опрометчиво залетевшей в комнату. Вот она бьется о стекло, рвется на волю. Вот сложила крылья, задумалась. О чем она думает? И тут рождается чудный вымысел. Похоже, что Саша Черный когда-то, до своей земной жизни, уже бывал скворцом, белкой, пчелой – так достоверно, их глазами он описывает мир.

«Саша любил все земное, дышащее, ползающее, летающее и цветущее. Он мне сказал раз: никогда не обижай живое существо, пусть это таракан или бабочка. Люби и уважай их жизнь, они созданы, как и ты сам, для жизни и радости», – вспоминает Валентин Андреев, запомнивший уроки Саши Черного, полученные в детстве, когда они жили в Риме в одном доме.

Саша Черный весь, кажется, соткан из полярностей и противоречий - возвышенное и земное, нежность и колючесть, кротость и бунтарство, консерватизм и эксцентричность, утверждение и отрицание... В стихотворении **«В пространство»** – своего рода визитной карточке поэта, открывающей книгу «Сатиры или лирика», – сказано следующее:

*Ужель из дикого желанья
Лежать ничком и землю грызть
Я исказил все очертанья,
Лишь в краску тьмы такая кисть.
Я в мир, как все, явился голый,
Я шел за радостью, как все.
Кто спеленал мой дух веселый –
Я сам? Иль ведьма в колесе?*

Эти строки возвращают нас к трагическим обстоятельствам детских и юношеских лет поэта, его хождений по мукам, заставляющим вспомнить петербургские романы Достоевского. Впору удивиться тому, что зло не выело его «дух веселый», что сумел он сохранить в неприкосновенности свои детские представления и верования, защищая их оружием смеха, сатиры и иронии.

Именно в таком качестве, в роли воителя запомнился Саша Черный современникам: «В этом тихом с виду человечке жила огненная злоба» (П. Пильский). Но далеко не все из них догадывались, что «заклятие смехом» – не что иное, как рыцарская защита своих идеалов. Саша Черный сам дал предельно четкую и поэтически емкую формулу своего необычного дарования:

*Кто не глух, тот сам расслышит,
Сам расслышит вновь и вновь,
Что под ненавистью дышит
Оскорбленная любовь.*

Все творчество Саши Черного – это изъявление любви, и надо только уметь разглядеть ее. И недаром поэт уподоблял свою лирику райской птице, привязанной на цепочке, ко-

тору «свирепая муза» сатиры хватает время от времени «за голову и выметает ее великолепным хвостом всякого рода современную блевотину».

Книга стихов Саши Черного представляет собой новый поэтический опыт поэта и фиксирует жизненные этапы последних лет: участие в Первой мировой войне, жизнь на литовской земле, отъезд в Германию, в Берлин и мучительную боль от неослабевающей тоски по родине. Второй раздел «На Литве» небольшой: десять стихотворений, различных по эмоциональному настрою. Литовская земля, приютившая русских беженцев, щедра, богата и добра. В цикле присутствуют поэтические пейзажные зарисовки: «Докторша», «Яблоки», «На миг забыть - и вновь ты дома», «Утром» и др. Но картины цветущего сада, заросли сирени и малины, спелых яблок перебиваются видением пустых полей, поросших лебедой, в России, вереницей беженцев «из русского бушующего ада».

*На рогатинах корявых ветви грузные лежат.
Гроздь яблок нависают, как гигантский виноград...
Их весь день румянит солнце, обвеивает ветерок,
И над ними сонно вьется одуревший мотылек.
А внизу скосили травы, сохнет блеск густых рядов,
И встревоженные пчелы ищут, жалуюсь, цветов...
Сколько яблок! В темных листьях сквозь узлы тугих сетей
Эти – ярче помидоров, те – лимонов золотей.
Подойдешь к тяжелой ветке и, зажмуривши глаза,
Дух их радостный вдыхаешь, как хмельная стрекоза...*

«Яблоки»

Пейзажные зарисовки зримо конкретны, а природа - живое существо, обращенное к человеку: вершина ласковая; пчелы играют, танцуют; холмы манят; поток поет; ветер играет и в путь зовет; трава бормочет. Поэтому и человек может отправиться на свидание к водопаду, улыбнуться старой елке, камню, бабочке и пню, отправиться в гости к скалам. Природа всегда прекрасна, это радостный, гармоничный мир, и люди здесь живут тоже в гармонии с ним:

*Здесь мир в полях, в лесах, в садах...
В извечных медленных трудах.
Струится жизнь сквозь дым столетий,
И люди чисты – словно дети.*

Природа не принадлежит ни человеку, ни какой-либо стране, и в то же время она принадлежит каждому, солнце светит для всех: «Солнце – наше, горы – тоже наши...».

Солнце присутствует почти в половине стихотворений; оно несет тепло, свет, преобразование, например, как это происходит в стихотворении «Солнце». Поэтическая цветопись представлена естественными красками природы: неба, лесов, полей, например:

*Полосой сбегает желтая пшеница,
И леса под солнцем, как зеленый сон.
А вверху – бирюзы,
Голубой удивительный цвет.*

Саша Черный – непревзойденный мастер пейзажной детали. Читая его стихи, можно глазами поэта подметить разные оттенки моря, почувствовать его соленый запах, грудью ощутить силу штормов.

*Море дремлет... Солнце стрелы
С высоты свергает в воду,
И корабль в дрожащих искрах
Гонит хвост зеленых борозд.*

«Шпиль»

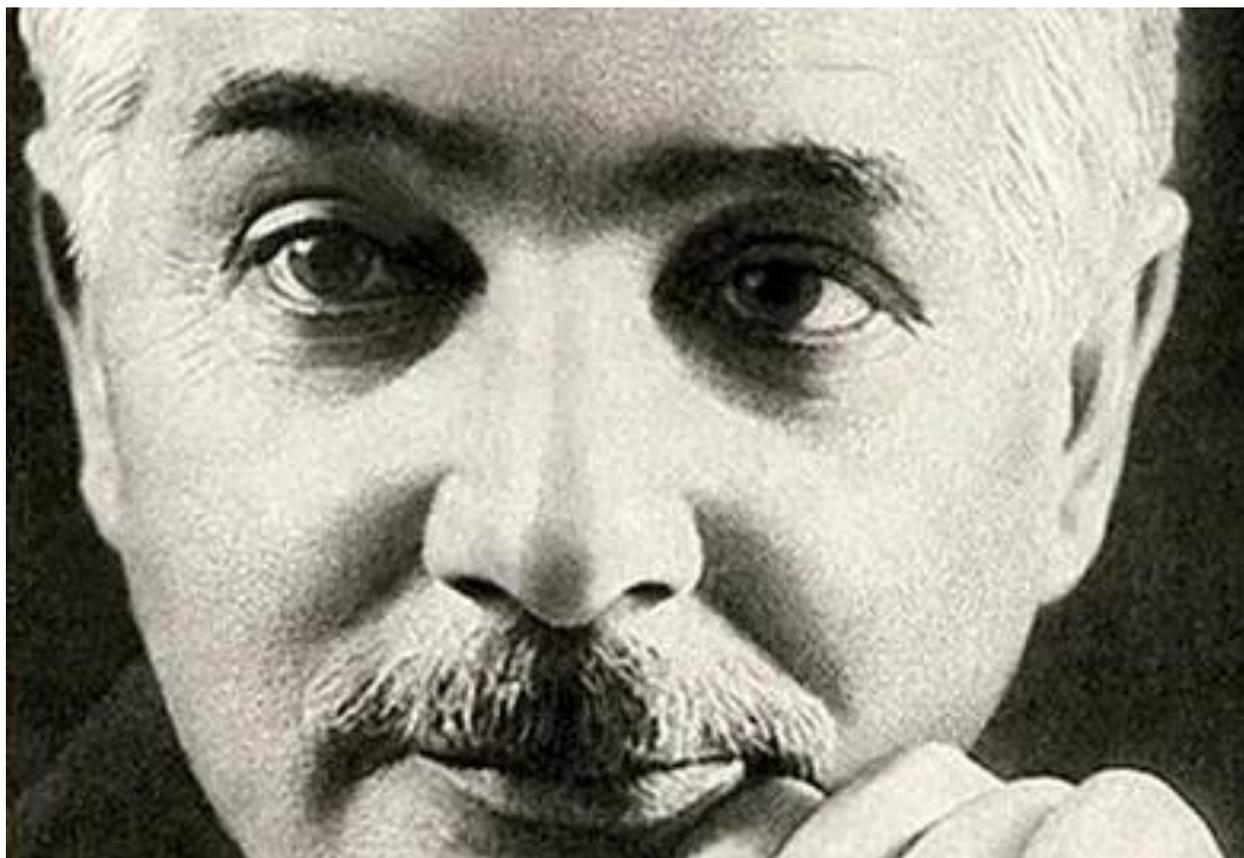
*Соленым холодным вином захлебнулись уста.
Сбегает вода и шипит светло-пепельный гравий.
Душа обнажилась до дна, и чиста, и пуста -
Ни дней, ни людей, ни идей, ни имен, ни заглавий...
Сейчас разобьюсь-растворюсь и о берег лениво
ударю.*

«Прибой»

* * *

*В облаках висит луна
Колоссальным померанцем.
В сером море длинный путь
Залит лунным, медным глянцем.*

*Я один... Брожу у волн.
Где, белея, пена бьется.
Сколько нежных, сладких слов
Из воды ко мне несется...*

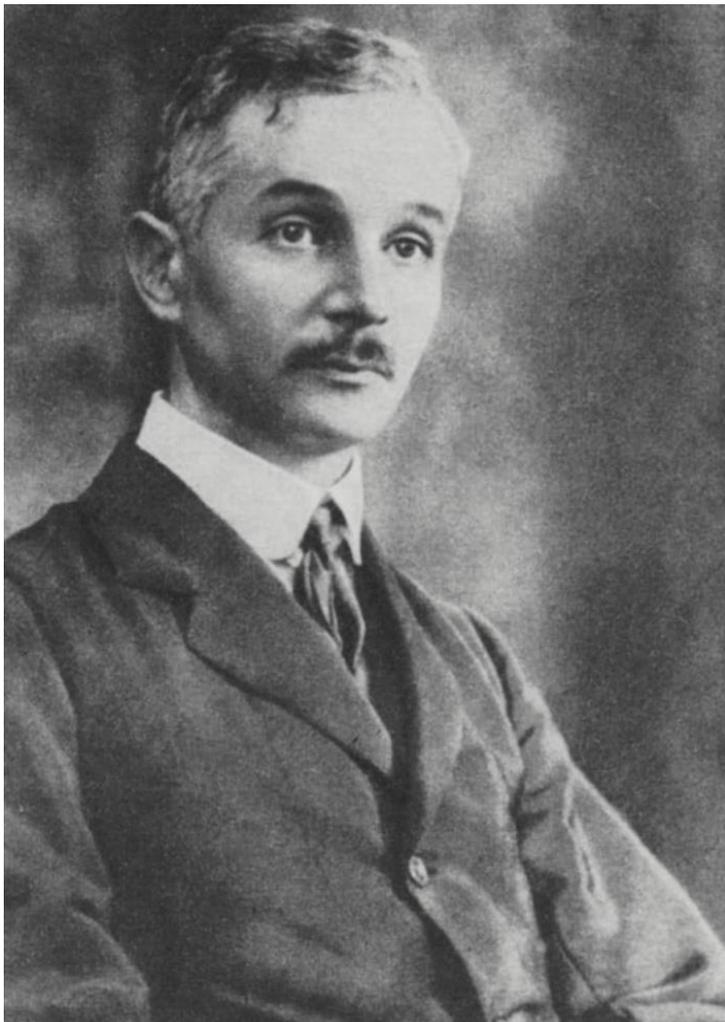

В эмиграции он был востребован, но привыкнуть к зарубежным городам, порядкам и людям так и не мог. Многие ему там не нравились. Страшно переживал разлуку с родиной.

*Мой виноградник пуст, – растрёпанные бурей
К земле прибиты светлые стихи...
И даже та любимая гряда,
Где зеленели детские страницы,
Здесь на чужбине теша детвору, –
Ненужным пустырем чернеет у дороги...
Молчу. Не жалеюсь...*

В его стихах мир широк – и материален, его стихи и статьи – энциклопедия времени. Но все чаще встречаются поэтические этюды, пейзажные зарисовки: с лесами, садами, парками, кустами, цветами, реками, морями, пляжами, горами и небесами, цветами. Нам

хотелось донести до Вас, уважаемые читатели, лирический мир поэта Саши Черного. Необыкновенный, волнующий и живой. Прочтя стихотворение «Розы», мы возьмем томик его стихов и по-новому оценим его творчество:

Они стоят в бокале
На низеньком столе.
Рой пузырьков вдоль стебля
Сквозит-дрожит в стекле.
А над бокалом чудо:
Румяный хоровод...
На лепестках росинки
И матовый налет.
Котенок, встав на лапки,
Пыхтит, как паровоз,
И, жмурясь, влажный носик
Все тычет в сердце роз...
А ты, мальчишка тихий,
Сжав крепко кулачки,
Так удивленно смотришь
На эти лепестки...
Весной Господь-Художник
Обходит все кусты, –
И вот на бурых палках
Вскрываются цветы...
Зачем? Чтоб всем прохожим
Стал Божий мир милей,
Чтоб мне – тебе – котенку
Жилось повеселей.

Описание времен года в стихах Саши Черного изобилует красками и полутонами, как на картинах символистов «Как в бёклиновских картинах, / Краски странны...»:

Зима

Снежинки-снежинки,
Седые пушинки
Летят и летят!
И дворик, и сад
Белее сметаны,
Под крышей висят
Прозрачные льдинки...
Дымятся лужайки, кусты и тропинки,
За садом молочные страны
Сквозят.

«Зимой»

Весна

И кактус мой - о, чудо из чудес! -

Залитый чаем и кофейной гущей,
Как новый Лазарь, взял да и воскрес
И с каждым днем прет из земли всё пуще.
Зеленый шум... Я поражен:
«Как много дум наводит он!»

«Пробуждение весны»

Лето

Пруд синееет круглой чашкой.
Ивы клонятся к воде...
На плоту лежат рубашки,
А мальчишки все в пруде.

Солнце брызнуло полоской.
Тени вьются словно дым,
Эх, разденусь за березкой,
Руки вытяну – и к ним!

«Летом»

Осень

Желтый фон из листьев павших
Ярче сказки,
На деревьях задремавших
Все окраски.

Зелень, золото, багрянец -
Словно пятна...
Их игра, как дикий танец,
Непонятна.

В вакханалии нестройной
И без линий
Только неба цвет спокойный,
Густо-синий,

Однотонный, и прозрачный,
И глубокий,
И ликующий, и брачный,
И далекий.

«Осень в горах»

И объединяющее времена года стихотворение «Зимою всего веселей», написанное для детей:

Зимою всего веселей
Сесть к печке у красных углей,
Лепешек горячих поесть,
В сугроб с голенищами влезть,
Весь пруд на коньках обежать

И бухнуться сразу в кровать.

*Весною всего веселей
Кричать средь зеленых полей,
С барбоской сидеть на холме
И думать о белой зиме,
Пушистые вербы ломать
И в озеро камни бросать.*

*А летом всего веселей
Вишневый обкусывать клей,
Купаясь, всплывать на волну,
Гнать белку с сосны на сосну,
Костры разжигать у реки
И в поле срывать васильки...*

*Но осень еще веселей!
То сливы срываешь с ветвей,
То рвешь в огороде горох,
То взроешь рогатиной мох...
Стучит молотилка вдали –
И рожь на возах до земли...*

С подачи Чуковского, отношения с которым постепенно восстановились, Черный открыл для себя новую область: детскую литературу. **«Когда он смотрел на детей или на цветок, его лицо становилось необычайно светлым, подобно лицу ребенка, на которое падали отсветы ярко разукрашенной новогодней елки»,** – вспоминала о нем дочь Куприна Ксения.

В цикле «Детский остров» у автора есть стихотворение **«Зеленые стихи»**. Поэту удалось совместить сказочных персонажей с реальными, а распускающуюся зелень Саша Черный сравнил с юным возрастом читателя.

Используются в стихотворении: эпитеты, метафоры. Для автора важно, чтобы его читатели почувствовали весеннюю красоту всего, что их окружает, и полюбили её.

*Зеленеют все опушки,
Зеленеет пруд.
А зеленые лягушки
Песенку поют.
Елка – сноп зеленых свечек,
Мох – зеленый пол.
И зелененький кузнечик
Песенку завел...
Над зеленой крышей дома
Спит зеленый дуб.
Два зелененьких гнома
Сели между труб.
И, сорвав зеленый листик,*

*Шепчет младший гном:
«Видишь? рыжий гимназистик
Ходит под окном.
Отчего он не зеленый?
Май теперь ведь... май!»
Старший гном зевает сонно:
«Цыц! не приставай»*

Приход Саши Чёрного в детскую литературу во многом обусловлен и тем, что у самого писателя детства вообще не было. Отсюда – психологически вполне объяснимое желание компенсировать эту тяжёлую потерю, сотворить воображаемый мир детства в художественном творчестве. К тому же жизнь сложилась так, что у писателя никогда не было собственных детей, что явилось для него и личной драмой, и источником творчества.

Часто у Черного в наличии двое – взрослый покровитель и ребенок:

*Мы с тобой на столе сидели,
Потому что на стульях скучно...*

Но теперь привычная ситуация зеркально отражена: ребенок «спасает» старика, делает маленькое чудо.

*Русским чаем его мы согрели,
Угостили борщом и ватрушкой.
Помнишь? Первые тихие трели
Золотистой завилась стружкой...*

«Городская сказка»

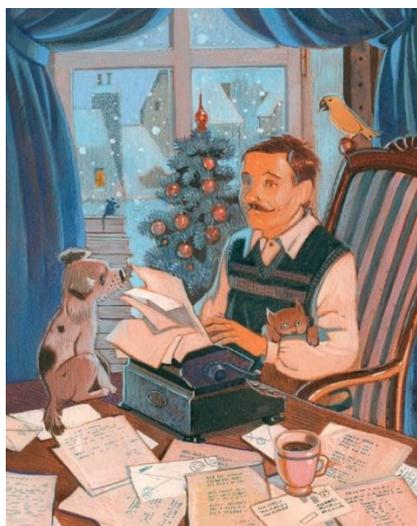
Для Черного взрослые навсегда остались детьми, постаревшими раньше детства.

*Для нас уже нет двадцатого века,
И прошлого нам не жаль:
Мы два Робинзона, мы два человека,
Грызущие тихо миндаль.*

«Мой роман»

Значение «Детского острова» в истории русской литературы состоит в состоявшемся постижении детского мира через художественно-поэтический.

В этом Саша Чёрный может быть сравнен с Л.Н. Толстым в «Детстве», «Отрочестве», «Юности», Н.М. Гариним-Михайловским в «Детстве Тёмы».

ИВАН БУНИН

55

*«О радость красок! Снова, снова
Лазурь сквозь яркий жёлтый сад
Горит так дивно и лилово,
Как будто ангелы глядят».*

И. Бунин

На протяжении жизни И. Бунину было свойственно увлечение живописью. Сам Бунин, описывая свои детские занятия живописью, вспоминал: «Я весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками, пачкал бумагу с утра до вечера, часами простаивал, глядя на ту дивную, переходящую в лиловое, синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, – и навсегда проникся глубочайшим чувством истинно божественного смысла и значения земных и небесных красок»

Важную роль в творческом формировании писателя сыграло общение с художниками-современниками: В.М. Васнецовым, Ф.А. Малявиным, Л.С. Бакстом, И.Е. Репиным, М.В. Нестеровым, К.А. Коровиным, а также с членами «Товарищества южнорусских художников»: П.А. Нилусом, В.П. Куровским, Е.И. Буковецким. Г.А. Ладыженским.

Природа в его стихах – неизменный источник гармонии и оптимизма. Автор уверен, что только в единении с природой, в полной слиянии с ней человек может почувствовать свою связь жизнью вселенной.

Лучшим поэтическим произведением Бунина является поэма «Листопад», отмеченная Пушкинской премией. В ней четко выявились все особенности бунинского поэтического «слога» – детализация, лаконизм, удивительная точность, образность и поразительное многообразие красок и оттенков:

*Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.
Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной.
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пестрый терем свой.*

Для того чтобы полнее и ярче передать всю красоту русской «золотой осени», свое восхищение ею, поэт обильно использует средства художественной выразительности. Основными среди них являются эпитеты, метафоры и сравнения: березы желтою резьбой; как вышки, елочки темнеют; просветы в небо, что оконца; Осень тихую вдовой вступает в терем; воздушной паутины ткани блестят, как сеть из серебра и так далее.

Литературоведы отмечали, что поэт в слове так точно передавал особенности пейзажей, которые описывал («Затишье», «Октябрьский рассвет», «Высоко полный месяц стоит...»), что по ним легко угадывалось, какая это местность («топографическая точность»). Именно поэтому мы можем сравнивать стихотворения Бунина с картинами живописцев – в них все также точно, зримо и эмоционально: **«Плывут узоры туч прозрачную фатою В пустынных небесах, высоко над землей», «Сонный туман на лугах серебрится, Черный камыш отсырел и дымится, Ветер шуршит камышом», «И река в берегах чуть видна... Где-то мельница глухо шумит... Спит село».**

В бунинских стихах богатая палитра цветов, неповторимая гамма звуков. Бесконечно можно перечислять найденные поэтом оттенки синей, голубой, зеленой, желтой красок, звуки природы, ароматы лесов и полей... Безусловно, здесь Бунин следует традициям классической русской поэзии. Но всё же он постоянно ищет что-то новое, какие-то смелые сопоставления, штрихи, в которых он находит другой, ещё более интересный взгляд на мир.

Самая любимая краска у Бунина синяя: и рожь – сизая, и лён – бирюзовый. Радость жизни, её красоту, необъятность передаёт этот цвет.

*Гаснет вечер, даль синееет,
Солнышко садится,*

*Степь да степь кругом – и всюду
Нива колосится!..
«Гаснет вечер, даль синеет...»*

Следующий отрывок поражает исключительно красивым и точным сравнением:

*Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.
Пустыня, грусть в степных просторах.
Синеют тучи. Скоро снег.
Леса на дальних косогорах
Как желто-красный лисий мех.
Под небом низким, синеватым
Вся эта сумрачная ширь
И пестрота лесов по скатам
Угрюмы, дики как Сибирь.*

Нужно обладать необыкновенно острым, по-настоящему «художническим» зрением, чтобы сравнить осенние леса с лисьим мехом. Как и многие бунинские сравнения и образы пейзажной живописи, эти сразу же впечатываются в память.

Вот отрывок из стихотворения «**В степи**»:

*Меж золотыми листьями берез
Синеет наше ласковое небо!
Я в эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинников поблекших аромат
И слушая дроздов пролетных крики;
Люблю уйти один на дальний хутор,
Смотреть, как озимь мягко зеленеет,
Как бархатом блестят на солнце пашни,
А вдалеке, на жнивьях золотых,
Стоит туман, прозрачный и лазурный.*

Как же умело и точно поэт дополняет зрительные образы, саму пейзажную живопись всеми другими человеческими чувствами – слухом, обонянием, даже ощущением тепла от осеннего ветерка. И насколько выигрывает образная система его пейзажной живописи от такого дополнения. В 1900 году И.А. Бунин создает два выдающихся шедевра. Пейзажная живопись в его поэтическом творчестве полностью сложилась и достигла небывалых высот. Вот первый пример:

*Нет солнца, но светлы пруды,
Стоят зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсем бы казались пустыми,
Но в них отразились сады.
Вот капля, как шляпка звезда,
Упала – и, сотнями игол
Затоны прудов бороздя,*

*Сверкающий ливень запрыгал –
И сад зашумел от дождя.
И ветер, играя листвою,
Смешал молодые березки,
И солнечный луч, как живой,
Зажег задрожавшие блески,
А лужи налил синевою.*

Его сравнение капли и шляпки гвоздя настолько свежо, в то же время, точно, что опять задумываешься – как никому раньше это не пришло в голову? Нужно быть настоящим художником, чтобы так по-новому увидеть знакомое всем.

И, наконец, написанная в том же 1900 году, летом в деревне Огневка поэма «Листопад», о которой мы говорили выше. В поэме почти 200 строк – и это только описание природы, прихода зимы. В поэме один лирический герой – Осень!

*Леса багряны, недвижимы,
Земля в морозном серебре,
И в горностаевом шугае,
Умывши бледное лицо,
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.*

Бунин – необыкновенный мастер пейзажа России. Он, как никто другой, умеет увидеть необыкновенное в обыкновенном.

В статье М. Алданова, прозаика и публициста, «О Бунине» есть замечательные строчки: «Ни у кого, кажется, из больших писателей не было такой точности (и скупости) слова, такого совершенства в образах, определениях, в эпитетах как у Бунина: «пушистые звёзды», «сухой, золотисто-шафранный свет», «сонные огни», «тугой гром», «пепельная тень...».

Бунин очень любил путешествовать. Он всегда серьезно интересовался историей мировых религий, вообще – историей народов, столь далеких от нас. И его безотказный инструмент – образная система пейзажной живописи верно служила ему в решении этих задач. Вот пейзажная зарисовка Кавказа:

*Насторожись, стань крепче в стремена.
В ущелье мрак, шумящие каксады.
И до небес скалистые громады
Встают в конце ущелья – как стена.*

*Над их челом – далеких звезд алмазы.
А на груди, в зловещей темноте,
Лежит аул: дракон тысячеглазый
Гнездится в высоте.*

Поэт откровенно любит пейзажем и хочет передать это чувство нам. Ему это вполне удается. Ему видится чужая, влекущая красота. Еще одна пейзажная зарисовка далекого Цейлона:

*Лазоревое озеро, в кольце
Из белой соли, заросли и дебри.
Все дико и прекрасно, как в Эдеме:
Торчат шипы акации, защищая
Узорную нежнейшую листву.
Цветами рдеют кактусы, сереют
Стволы в густых лианах... Как огонь,
Пылают чаши лилии ползучей,
Тьмы мотыльков трепещут... На поляне
Лежит громада бурая: удав...
Вот медленно клубится, уползает...*

Здесь он по преимуществу – рассказчик. Он хочет поделиться с читателями своим удивлением и восхищением теми дальними городами и странами, куда они, возможно, никогда не попадут.

59

Наиболее живописен И. Бунин в описании времен года. Его поэзия очень созвучна музыкальному циклу П.И. Чайковского «Времена года».

Поэт уловил переменчивость русской зимы: от ясного морозного дня до буйствующей метели. Строки поэта помогают представить ощущения человека, сидящего в кругу близких и дорогих людей у камелька и слушающего, как за окном воет и беснуется пурга:

*Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.
Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,*

*Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.*

«Родина»

После продолжительной, почти полугодовой, русской зимы незаметно подкрадывается весна. Приход весны всегда вызывал у поэта необычайное воодушевление и подъем духа. Такое восприятие весны в стихотворении И.А. Бунина «**Бушует полая вода...**»:

*Бушует полая вода,
Шумит и глухо и протяжно.
Грачей пролетные стада*

*Кричат и весело и важно.
Дымятся черные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.
А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.*

Но вот и долгожданное лето. Его скромное очарование отразилось в стихотворении. И.А. Бунина **«Ночные цикады»**:

*Ночные цикады
Прибрежный хрящ и голые обрывы
Степных равнин луной озарены.
Хрустальный звон сливает с небом нивы.
Цветы, колосья, травы им полны,
Он ни на миг не молкнет, но не будит
Бесстрастной предрассветной тишины.
Ночь стелет тень и влажный берег студит,
Ночь тянет вдаль свой невод золотой -
И скоро блеск померкнет и убудет.
Но степь поёт. Как колос налитой,
Полна душа. Земля зовёт: спешите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!*

60

Поэт в «осеннем» стихотворении рассказывает читателю о расставании природы с ее великолепием перед приходом долгой суровой зимы. Подобным настроением проникнуто и стихотворение И.А. Бунина **«Сумерки»**:

*Очень точно зрительно поэт передает красоту осеннего леса:
Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.
Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет тёмная листва...
«Не видно птиц...»*

Величие природы обнаруживается в живописных образах картины И. Левитана, которые можно назвать иллюстрациями стихов И. Бунина. М. Волошин писал, что стихотворения И.А. Бунина очень близки **«тонкому и золотистому, чисто левитановскому письму»**.

И. Левитан. Золотая осень

Современники говорили про стихи И. Бунина, что он словно не пишет, а рисует словами живописные картины. Цветопись его стихов необыкновенна.

61

Бунин придал серому цвету особый шарм, некую надменность и гордость:

*Серый ствол на солнце позлащен,
А вершины встали сизым дымом...*

*Стамбул жемчужно-сер вдали,
От дыма сизо на Босфоре,
В дыму выходят корабли
В седое Мраморное море...*

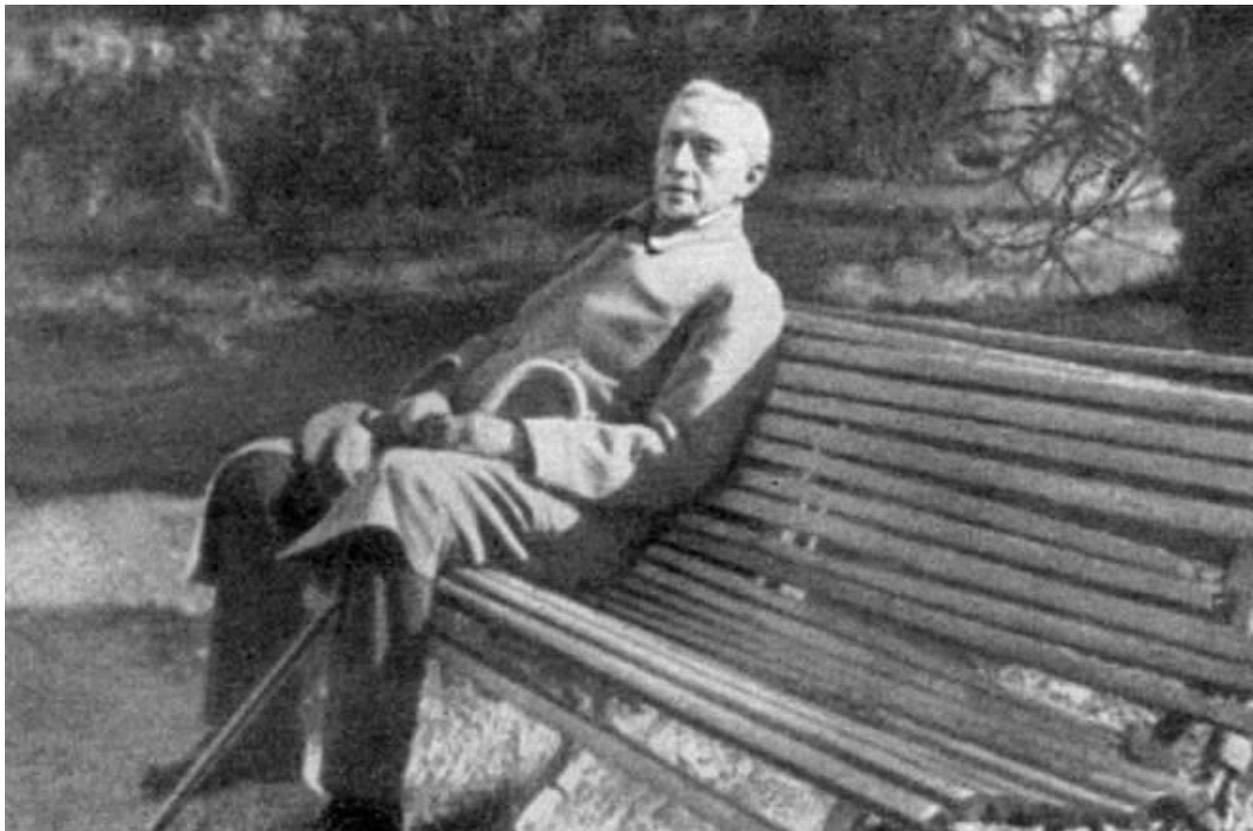
В поэзии Бунина присутствуют достаточно редкие цветовые сочетания: фиолетовый, сиреневый, розовый, лиловый:

*Весна! Темнеет над аулом,
Свет фиолетовый мелькнул...
В океане, в закатном блеске, - розовые пятна
Недвижных парусов, а сзади, в джунглях, -
Сиреневые горы...
Иссохшие источники и рвы
Усеяны лиловыми тюльпанами...*

И.А. Бунин пишет: «Подводя итоги того, что дала мне жизнь, я вижу, что это один из важнейших итогов. Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листве, я и умирая вспоминаю...».

Поэт не всегда красочно и многообразно описывает окружающую действительность. Часто обходится двумя-тремя оттенками, предпочитает контрастное сочетание темных и светлых тонов:

*...Ночное небо низко и черно -
Лишь в глубине, где Млечный Путь белеет,
Сквозит его таинственное дно,
И холодом созвездий пламенеет...*

Поэзию Бунина отличает то, что для описания природной красоты поэт создает свои краски. Он умело соединяет уже известные оттенки, запахи, тем самым привнося в свои поэтические произведения наиболее точные определения:

*Туманный серп, неясный полумрак,
Свинцово-тусклый блеск железной крыши.*

Так, в стихотворении «Храм солнца» перед читателем предстает следующая картина:

*Шесть золотистых мраморных колонн...
Там глыбы желто-пепельных камней...
Патриархально-царственные ткани...*

Словотворчество поэта выражается преимущественно в создании сложных прилагательных-эпитетов. Все это характеризует единый авторский почерк и дает возможность глубже проникнуть в поэтическую картинку мира поэта. По словам поэта А. Блока, **«так знать и любить природу, как умеет Бунин, – мало кто умеет. Мир его – по преимуществу - мир зрительных и слуховых впечатлений и связанных с ними переживаний».**

В поэзии Бунина мы не найдём мрачных красок, погруженности в мир социальных проблем, потрясений. Только небо, солнце, земля, вода, цветы да человеческая душа. Поэзия Бунина так же как картины импрессионистов – это светлая сказка. Ренуар говорил, что в мире и так много зла и не стоит его умножать с помощью полотен.

*Какая радость, молодость, этот предрассветный час!
Ещё ночь, глухо и снежно.
Первый сладкий вздох свежестью.
Нет ни души кругом, ни звука, ни тревоги.
Крепко пахнет в овраге сыростью грибной.*

И.А. Бунин писал: «Я не знаю, что называется искусством, красотой в искусстве, его правилами. Верно, в том заключается оно, чтобы человек, какими бы словами, в какой бы форме ни говорил мне, но заставлял бы меня видеть перед собой живых людей, чувствовать веяние живой природы, заставляя трепетать лучшие струны моего сердца».

*Нет, не пейзаж влечёт меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.*

АЛЕКСАНДР БЛОК

«Каждый год моей сознательной жизни резко окрашен для меня своей особенной краской...». А. Блок

Александр Блок вошел в историю русской и мировой литературы как драгоценный алмаз Серебряного века. Наверно, не было читающего в России человека, который не знал бы поэзию этого замечательного поэта.

У Александра Блока, старшего товарища Есенина по перу, есть замечательная разгромная статья «Краски и слова». Главная мысль статьи заключалась в том, что современные поэты не используют зрительные образы, тогда как на глазах их глаз цветет жизнь. **«И разве не выход для писателя – понимание зрительных впечатлений, умение смотреть?» Живопись не боится слов. Она говорит: «Я – сама природа».** Эту статью Блок написал в 1905 году.

Блок искал выхода, со свойственным ему даром предчувствия, предсказывал неизбежность появления поэта, который, «схватив радугу», принесёт в русскую поэзию русскую природу, «населённую многими породами существ», со всеми её конкретными «далями» и «красками» – «не символическими и не мистическими, а изумительными в своей простоте».

В русской поэзии нет, вероятно, другого такого мастера, мышление которого столь схоже с мышлением живописца. Обостренность его цветового восприятия мира, та органичность, с какой он скрашивает свои чувства и оценки, отвлеченные понятия, не имеют аналогов в русской литературе.

В статье «Краски и слова» А. Блок утверждает: **«Душа писателя поневоле заждалась среди абстракций, загрустила в лаборатории слов. Тем временем перед слепым взором ее бесконечно преломлялась цветовая радуга. И разве не выход для писателя – понимание зрительных впечатлений, умение смотреть? Действие света и цвета освободительно. Оно облегчает душу, рождает прекрасную мысль».**

Не удивительно, что о Блоке и его поэзии говорили и писали в цветовых терминах. А. Белый не раз относил тома блоковских стихотворений к той или иной цветовой гамме. В первом томе «небо лазурное с розово-золотой атмосферой зари»; во втором – «небо серое... с лилово-зелеными отсветами»; в третьем – «небо черное с брезжущей желтою... зарею; желтое с черным... глядит отовсюду».

А. Белый писал: **«...он любил выражать настроения цветами; в цветах изживал он стихию переживаний своих, опознавал он стихии цветами».**

Поэт всюду искал и находил родственников. В живописи он нашел Васнецова, под впечатлением картины которого он напишет стихотворение «Гамаюн», а также Нестерова, Рериха, но особым будет его отношение к Врубелю.

В творчестве Врубеля и Блока можно уловить нечто общее: стремление к возвышенному идеалу, мятежный дух, верность фольклору, народное начало, стремление к синтезу искусств. Врубель любил поэзию и даже сам писал стихи:

*Красные, бурые, жёлтые, бурные
Листья кружатся во мгле.
Речи несутся задорные, шумные,
Лампа пылает на чайном столе.*

Блок восторженно принимал творчество Врубеля. Блок объединяет себя с Врубелем: «мы, художники», – хотя они никогда не были знакомы. Он очень тонко чувствовал Врубеля (иначе как объяснить то, что искусствоведы не могут найти более точного определения картина, чем «лиловые миры», и пользуются блоковским). Блок в речи «Памяти Врубеля» говорил: **«Он сверкнул и погас подобно молнии, но творческая энергия была затрачена... Для нас остались дивные краски и причудливые чертежи, похищенные у вечности. Тех миров, которые видел он, мы еще не видели».**

Восхитительная картина М. Врубеля «Царевна-Лебедь», завораживающая своей непостижимой, мистической, таинственной и величавой красотой подарила вдохновение поэту.

Картину «Царевна-Лебедь» особенно любил Александр Блок. Фотография с нее всегда висела у него в кабинете в Шахматове. Ею навеяно большое стихотворение с подзаголовком **«Врубелю».**

*Дали слепы, дни безгневны
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны,
Синева пуста.
Были дни – над теремами
Пламенел закат.
Нежно белыми словами
Кликал брата брат...
Видится волшебный всадник:
Белый конь, как цвет вишневый...
Блещут стремяна...
На кафтан его парчовый
Пролилась весна.
Пролилась – он сгинет в тучах,
Вспыхнет за холмом...
Будут вёсны в вечной смене
И падений гнет.
Вихрь, исполненный видений,
– Голубиный лет...*

В поверженном «Демоне» Врубеля Блок нашел отражение своих вопросов. Именно в борьбе золота и синевы поэт открыл для себя нечто иное. **«Падший ангел и художник – заклинатель: страшно быть с ними, увидеть небывалые миры и залечь в горах. Но только оттуда измеряются времена и сроки; иных средств, кроме искусства, мы пока не имеем. Художники, как вестники древних трагедий, приходят оттуда к нам, в размеренную жизнь, с печатью безумия и рока на лице»,** – писал поэт.

Врубель предчувствовал неотвратимость перелома в жизни России, «всю общественную психологию» времени.

Для Блока, предчувствия назревающих перемен еще более характерен. Этот мотив наложил отпечаток на раннее творчество поэта, он господствует в **«Стихах о Прекрасной Даме»:**

*Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Все в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя...
«Перед тем, что Врубель и ему подобные
приоткрывают перед человечеством раз
в столетие, – я умею лишь трепетать. Тех
миров, которые видели они, мы не видим...
Александр Блок*

В. Васнецов. Гамаюн. Птица вещая» (фрагмент)

Александр Блоку шел девятнадцатый год, когда, под впечатлением картины Васнецова «Гамаюн, птица вещая» он написал одноимённое стихотворение.

*На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!*

В стихотворении Блока птица райская из фольклора становится «птицей вещей». Поэт уходит от темы рая и заставляет своих птиц говорить «вещую правду». Нужно отметить близкую к живописи собственно портретную деталь в стихотворении Блока. У птицы не человеческое лицо, как в сказаниях, а «прекрасный лик». «Уста, запёкшиеся кровью», – слова, символически указывающие на страдание существа, несущего правду, как правило, неудобную многим и опасную для того, кто её «вещает».

Пройдёт несколько лет – и Блок сам станет Гамаюном России, ее вещим поэтом, предсказавшим «неслыханные перемены», что изменили весь облик нашего мира.

Тонкий лирик и психолог, Блок удивительно точно и зримо отражает в своих произведениях картины природы России. Он не идеализирует окружающее. Ему милы убогие и скучные пейзажи родной страны.

Его мистическому настроению и меланхолии близка неброская красота России. Не случайно именно под впечатлением от картин Нестерова, в которых цветовая гамма картин неявная, приглушенная, родились строки Блока:

*Единый, светлый, немного грустный –
За ним восходит хлебный злак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.
И все так близко и так далеко,
то, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам как стезя...*

М. Нестеров. «Путник. За Волгой»

Вершиной позднего творчества М.В. Нестерова стала серия картин о Христе-путнике, в которых духовное и народное сливаются воедино в «земном» лике странствующего Спасителя. Об этом поэтические строки Блока:

*Мы, два старца, бредем одинокие,
Сырая простерлась мгла.
Перед нами – окна далекие,
Голубая даль светла.*

*Но откуда в сумрак таинственный
Смотрит, смотрит свет голубой?
Мы дрожим мечтою единственной,
О, невнятное! пред тобой.
О, откуда, откуда мгlistые
Заалели тучи, горя,*

*И нити бегут золотистые,
И сумрак румянит заря?..*

*Мы, два старца, в сумрак таинственный
Бредем, – а в окнах свет.
И дрожим мечтою единственной,
Искушенные мудростью бед.*

Отличительной, чисто «блоковской» чертой является «ночная аура» его лирики. Возможно, она как раз и иллюстрирует его извечную духовную нестойкость. Мы видим зыбкие, почти неуловимые переходы от дневного к ночному, от белого к черному. Весь Блок – такой, от начала и до конца.

Использование черного цвета увеличивается по мере движения художника к реализму. Поэт предчувствует грядущие изменения в собственной душе и окружающем мире.

*...Так идут державным шагом –
Позади – голодный пёс.
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой неведим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди Иисус Христос.*

69

Поэма А. Блока «Двенадцать» построена на противопоставлении двух цветов – белого и черного, двух миров – старого и нового.

Чёрный цвет – символическое отображение темного, злого начала не только в мире, но и в человеке.

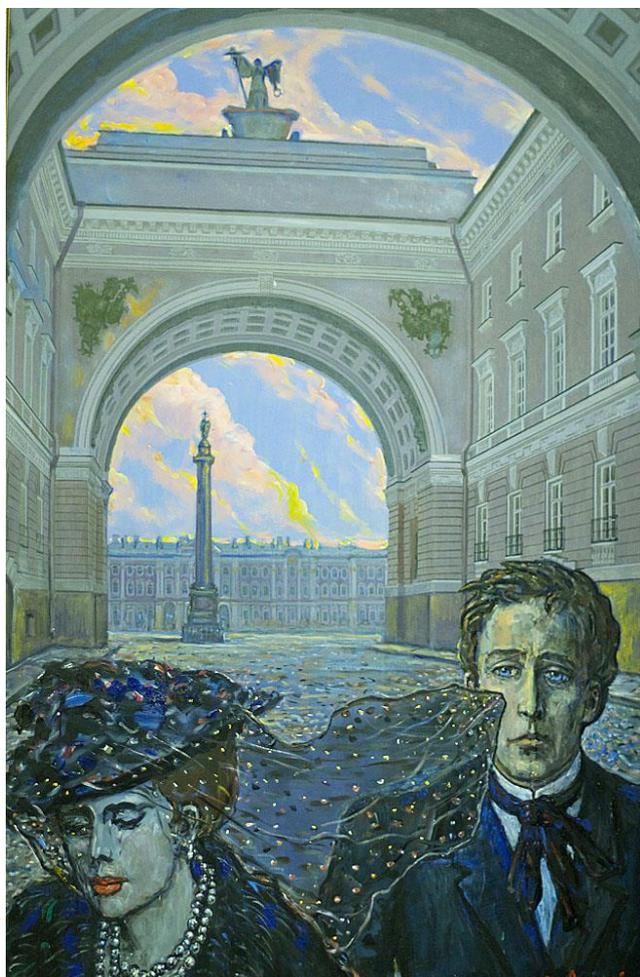
Надежда на будущее воплощена автором в белом цвете. Белый снег, падающий на город, неслышно и ненавязчиво обновляет все вокруг.

Кровавый цвет – это ассоциация красного. Есть у Блока стихотворения, где красный цвет пронизывает весь сюжет, организует его; при чтении таких произведений невольно появляется красный фон: «Пожар», «Обман», «В сыром ночном тумане...», «Невидимка», «Город в красные пределы...». Красный цвет воспринимался поэтом как символ тревоги и беспокойства.

У более позднего Блока красный цвет почти всегда трагический, больной, тяжелый.

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.
Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон –
Всё закатом залито.

Синий цвет в творчестве Блока – это цвет Прекрасной Незнакомки из цикла «**Стихи о Прекрасной Даме**». Она – «голубая царица земли», пришедшая «голубыми путями», живущая в «лазурном чертоге».

Илья Глазунов. А. А. Блок и Незнакомка

*Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.
Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой
синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...*

По сравнению с другими цветами жёлтый цвет встречается в поэзии А. Блока не более чем в 40 стихотворных произведениях.

Чаще всего этот цвет второстепенен, главное здесь настроение: это грусть, вызванная увяданием, старением, быстротечностью жизни. Желтый цвет впервые встречается в одном из самых проникновенно-грустных юношеских стихотворений.

«Осенняя элегия».

Медлительной чередой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист –
Душа не избежит невидимого тленья.

Почти в каждом произведении Блока присутствует в разной степени белый цвет. Это любимый цвет поэта.

*Жизнью шумящей
нестройно взволнован,
Шепотом, криком смущён,
Белой мечтой неподвижно
прикован
К берегу поздних времён.*

Белый цвет стал символом Прекрасной Дамы: чистой, божественной, любимой Блоком девушки.

*Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.
Были странны безмолвные встречи.
Впереди - на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе...*

Блок пытался жить, как писал. Когда мы читаем блоковскую «Русь», исполненную любви к родному краю, перед нами возникает образ страны со своей особой неповторимой судьбой. Поэт умел правильно чувствовать милую сердцу Русь чутко и трепетно:

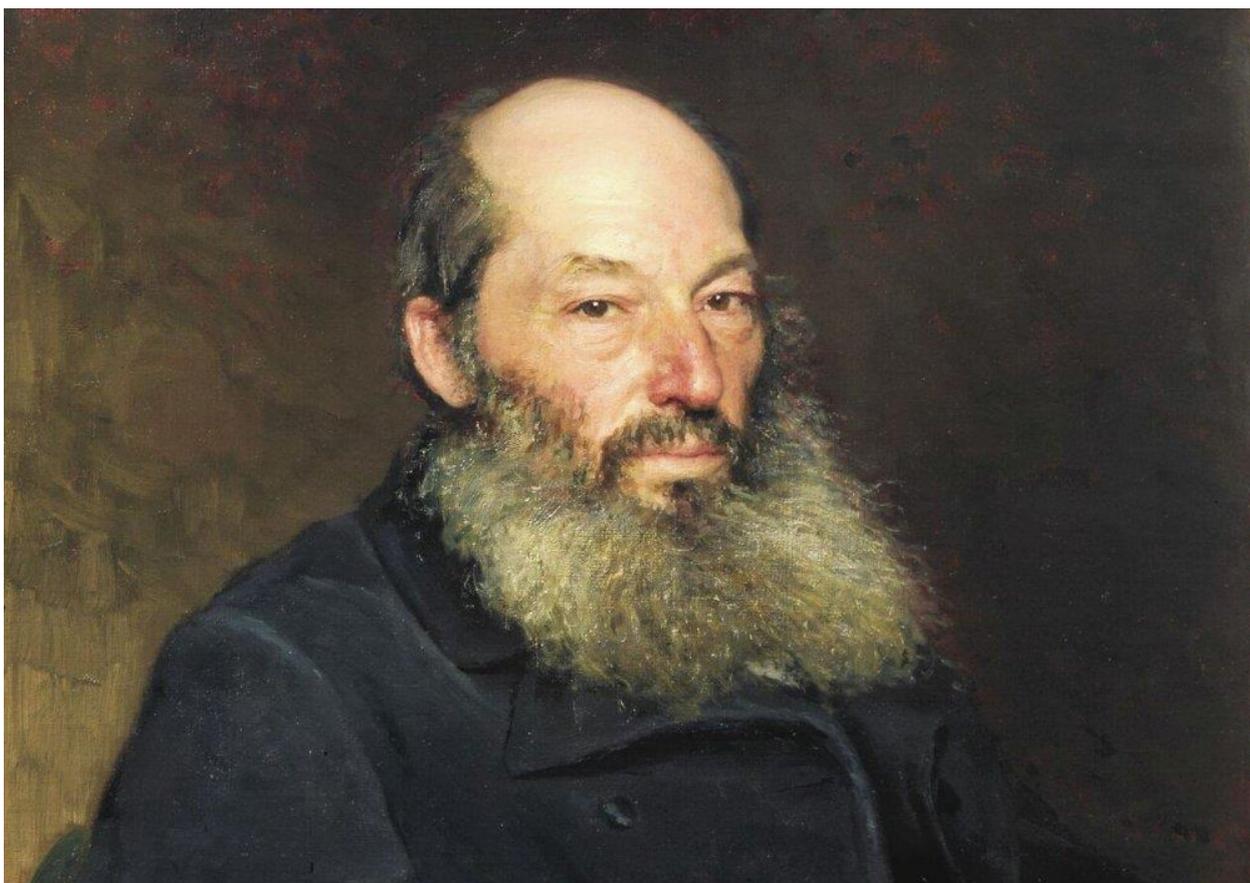
*Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь.*

Такова блоковская Россия, «ее лик светел навсегда», она хранит «первоначальную чистоту» души поэта. Александр Блок был поэтом величайшего исторического рубежа. Большая притягательная сила блоковского стиха, могучая внутренняя энергия его ритмов проверены временем. Эти тончайшие, разнообразные музыкальные ритмы волнуют, тревожат, радуют, печалят и воодушевляют. Эти ритмы заставляют снова и снова почувствовать гармонию, внесенную в мир великим поэтом.

Поэтому эту статью нашего дайджеста хочется закончить стихотворением Риммы Казаковой, которое посвящено Александру Блоку:

*Есть национальные святыни –
К ним любовь щемящая не стынет.
Скажешь: Пушкин...
Выдохнешь: Есенин.
Блок... Души спасенье. Потрясенье.
Потрясенье пятен светлых, темных
Пояснение: всем, что жизнь и значит,
До рожденья ты рожден и начат.
И сегодня пред великим Блоком
Мы стоим в волнении высоком –
Всем величьем родины великой,
Родины прекрасной, многоликой.
Всем величьем, всем, что им воспето, –
Пред величьем русского поэта!*

АФАНАСИЙ ФЕТ

73

*«Целый мир от красоты,
От велика и до мала».*
А. Фет

Живопись в поэзии А.А. Фета проявляется в использовании приёмов импрессионизма, который предполагает описание явлений и предметов через детали, цвета и звуки. Поэт изображает внешний мир в том виде, который соответствует сиюминутному настроению. Его интересует не столько предмет, сколько впечатление, произведённое предметом. Одним из красочных стихотворений Фета является **«Шепот, робкое дыхание...»**. В нём переход от холодной цветовой гаммы к тёплой помогает передать изменчивость мира и чувств лирического героя. Это абсолютно безглагольное стихотворение:

*Шепот, робкое дыханье.
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.*

*Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,*

*И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..*

Пожалуй, одну из самых ярких импрессионистских картин, созданных Фетом, мы можем найти в стихотворении **«Над озером лебедь в тростник протянул...»**. Подвижность жизни природы находит отражение прежде всего в течение времени: в начале стихотворения это вечер («легли вечерние тени», «вечерний путь»), затем наступает ночь («уж начали звезды мелькать в небесах»). Двигается лебедь; «блестя чешуей», быстро бежит река, «как змей золотой»; колышется пестрый флаг; сменяются чувства и ощущения лирического героя, т.е. создана динамичная картина.

Восприятие цветовой палитры рассчитано на наше ассоциативное воображение: озеро, небеса – голубой, синий цвет, тростник, лес – зеленый, лебедь – белый, река, «змей золотой», – золотой, желтый, краснея – красный. Самый интересный образ первой строфы – лес. Фет фиксирует его в неожиданном ракурсе: «опрокинулся лес». Мы видим не сам лес, а его отражение в озере, голубая гладь которого сравнивается с небесами.

*Над озером лебедь в тростник протянул;
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.*

*И в воздухе чутком усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Прохладные тени. Вечерний мой путь
Краснел меж деревьев вдали.*

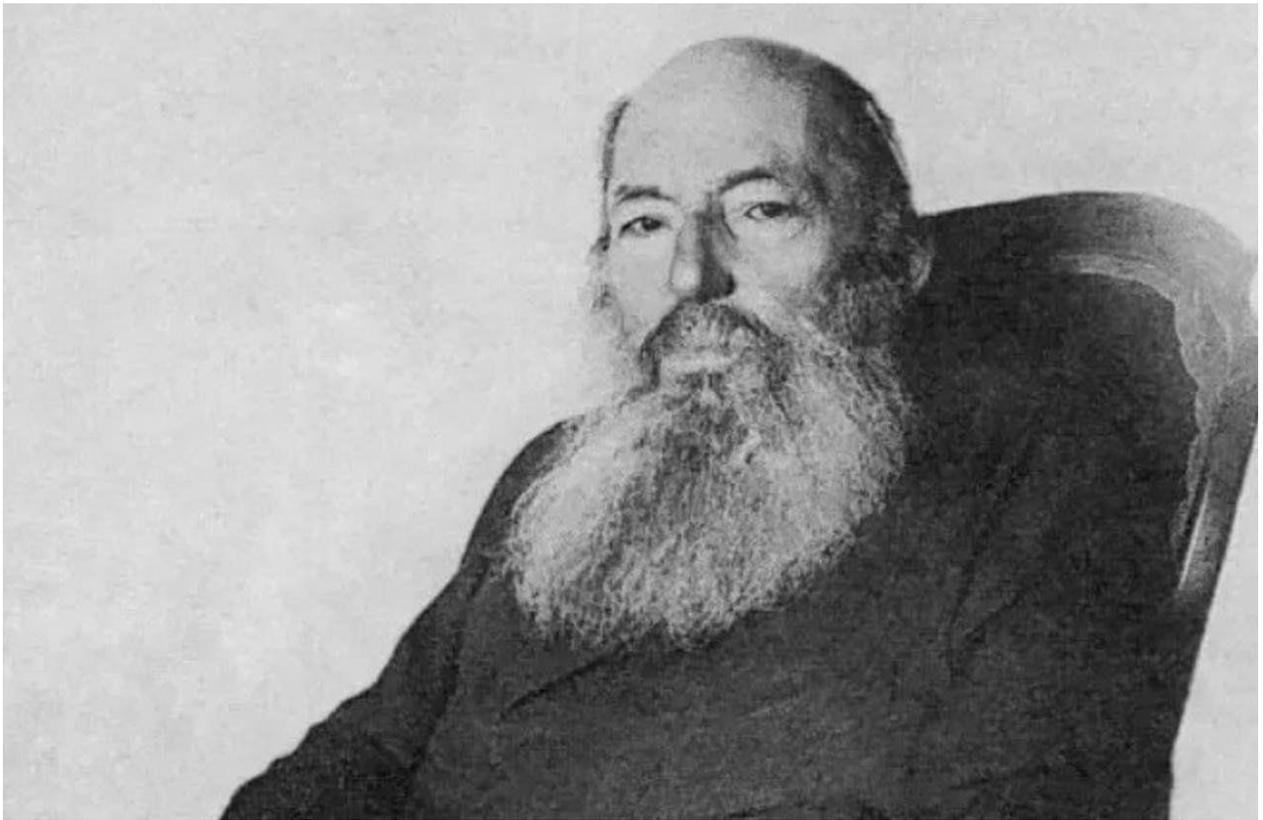
*А мы, мы на лодке сидели вдвоём,
Я смело налёг на весло,
Ты молча покорным владела рулём,
Нас в лодке как в люльке несло.*

*И детская чёлн направляла рука
Туда, где, блестя чешуёй,
Вдоль соннаго озера быстро река
Бежала как змей золотой...*

*Уж начали звёзды мелькать в небесах...
Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пёстрый нашёптывал флаг,
Куда нас потоком несло...*

Поэт А. Григорьев писал о стихах Фета: **«Чувство в некоторых стихах Фета как будто не созревает до совершенной полноты и ясности – и явно сам поэт не хотел его довести до такого определенного, общедоступного состояния»**. Но именно в таком «колеблющемся» образе открылась, по мнению критика, какая-то «новая, неизве-

данная еще возможность раскрыть ту прихотливую логику человеческих ощущений, которая не может быть раскрыта никак иначе».

75

На протяжении всего творчества Фет ощущал невозможность чисто словесными средствами передать всю глубину и богатство своего, да и вообще человеческого внутреннего мира, его неуловимо-музыкальные чувства, впечатления, переживания.

*Как беден наш язык! – Хочу и не могу. –
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.*

*Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.*

Но А. Фет умел эту «бедность» преодолевать, выходя в своих стихах за границы поэзии, становясь поэтом-художником, поэтом-музыкантом, вызывая у читателей восторг. Гармоничен, прекрасен мир в лирике А.А. Фета. Но поэт не стремится к изображению целостного и завершенного образа природы.

Его интересуют «поэтические события» в жизни природы: розы грустят и смеются, тонко позванивает колокольчик в цветнике, раскидывает ветви пушистая весенняя верба, и «первый ландыш» «из-под снега просит солнечных лучей».

*О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!
Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!
Так дева в первый раз вздыхает –
О чем – неясно ей самой,
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.*

Фет сумел зафиксировать каждый миг. **«Каждое выражение – картина»**, – писал о нем Л. Толстой. У Фета очень много ночных стихотворений. Есть ли там чёрный цвет? Чёрный – гибель оттенка чувства – звёзды – излюбленный образ у Фета. Они то поют, то шепчутся, то молятся.

Для поэта характерен романтический культ ночи. Но в отличие от поэтов-предшественников, ночь у него не несёт в себе ничего страшного или трагического, в ней заключено положительное начало.

Ночью человек забывает о житейских треволнениях, начинает жить подлинной, настоящей жизнью, его сердце открывается любви и красоте, он приобщается тайн мироздания. Ночь прекрасна.

*Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!*

*Пруд как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии.
«В лунном сиянии»*

Для Фета картины природы, особенно вечерней или ночной, исцеляюще действуют на душу. В окружающем пейзаже ищет он отрады, понимания, родственного отклика. Для него часто не другая душа – друг или любимая, – а задумчивый лес, притихшая река, тёплые травы, склонившийся над изголовьем месяц могут принести утешение.

В этом безмолвном разговоре с природой, в беззвучной исповеди перед нею найдет поэт всё, что нужно страдающему, обойдённому счастьем сердцу – понимание, участие, сопереживание:

*Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе рассвет немой и тайной силы!
О, окрыли – и дай мне превозмочь
Весь этот тлен, бездушный и унылый!
Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнём с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля – и теплится, как море.
Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звёздной.
И, окрылён дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.*

Мотив «отражения в воде» встречается у Фета необычайно часто. Скорее всего, зыбкое отражение предоставляет больше свободы фантазии художника, чем сам отражаемый предмет:

*В этом зеркале под ивой
Уловил мой взгляд ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.*

В поздних стихах Фета, существует расширение пейзажной лирики до пределов космического чувства. Образной приметой этой темы является образ звёзд.

Таким примером является стихотворение «На стоге сена ночью южной...», где ощущение человека, лежащего лицом к звёздному небу, раскрыто как ощущение растворения души в мире звёзд, в космосе:

*Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.
И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.*

В стихотворении «Шумела полночная вьюга...» поэт показывает силу чувств двух людей, которая раскрывается при помощи описания природы.

*Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне
Мы сели с ней друг подле друга
Валежник свистал на огне.*

А.А. Фет рисует образы двух встретившихся людей «в лесной и глухой стороне». Они не могли передать словами все свои чувства и ощущения. Только лишь описание природы могло дать смутное представление о том, что происходило в их душах – «Шумела полночная вьюга».

*И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!*

Здесь прослеживается не просто вьюга на душе, а уже мгла, в которую не может пробиться ни одна искра от горящего костра, как бы «герои» не старались, они не смогут ничего поделать с той пустотой, что образовалась у них в душах, им просто «нечем прогнать эту мглу!»

*Берёзы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что со мной!*

Автор переводит звук «трепета», «дрожания» приёмом гиперболизации к треску, шуму, стихии, тем самым показывая, что на самом деле происходит с героями – нескладность, негармоничность отношений двух, возможно, случайно встретившихся людей.

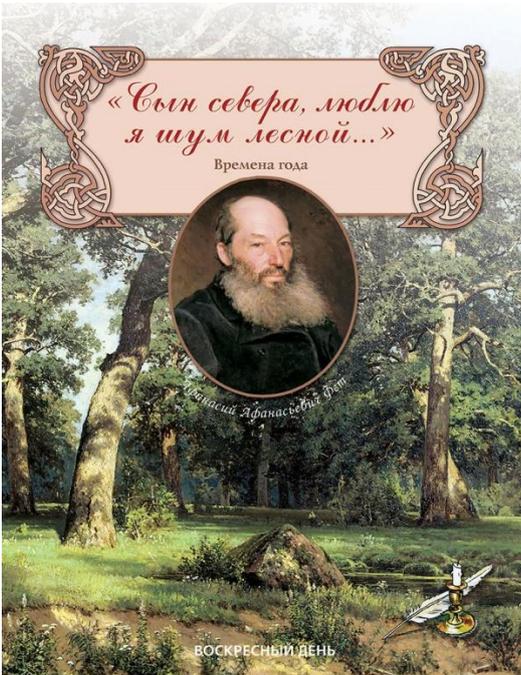

Фет говорил: **«Что не выскажешь словами, Звуком на душу навеи...»** Приведем короткое стихотворение, в котором именно навеяно поэтическое состояние.

Восемь строк, но за ними видна вся Россия:

*Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна.*

*Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.*

Предлагаем вашему вниманию прекрасные стихотворения мастера поэтического слова Афанасия Фета о четырёх временах года.

В произведениях поэта представлены все наши времена года: нежная весна – с пушистыми вербами, с первыми ландышами, с тонкими клейкими листочками распутившихся берез; жгучее, знойное лето – со сверкающим терпким воздухом, с синим полотном неба, с золотыми колосьями раскинувшихся вдали полей; прохладная, бодрящая осень – с пестрыми косогорами лесов, с птицами, потянувшимися вдаль; ослепительная русская зима – с ее неумной метелью, свежестью снегов, замысловатыми узорами морозов на оконном стекле.

Любимым временем года Фета является весна. Неслучайно, что циклы стихов, посвящённые временам года, располагаются в следующем порядке: «Весна» («Лето», «Осень» и «Зима»).

Весна

*Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Всё ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.*

*Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывальым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.
Ручьи, журча и извиваясь
И меж собой перекликаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под беломраморные своды
С веселым грохотом летят.
А там по нивам на просторе
Река раскинулась как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.*

Природа у Фета соотносится с человеческими чувствами, с особым восприятием жизни. Весенние и летние стихотворения поэта – это гимн вечному обновлению жизни, гимн молодым, могучим силам.

Лето

*Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.
Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.
Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад...
Прости, золотая, прости!*

Фет любит наблюдать за таинством природной жизни, и взору его открывается весь круговорот ее, всё многообразие и многоголосие. Наступление осени вызывает у поэта чувство грусти, тоски, уныния, сожаления.

Осень

*Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!
Но есть и дни, когда в крови*

*Золотolistвенных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.
Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.*

Зима в стихах Фета – особенная. «Чудные картины» сказочной русской зимы близки поэту. Чувствуется, что виды милой природы, где «...воздух, степь и думы заодно» – это его, родное...

Зима

*Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.
От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.
Ветер спит, и все немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.*

А. Фет был страстным патриотом. И его сдержанная, но мощная патриотическая стихия ощутима в стихах «Я вдаль иду моей дорогой...», «Одинокий дуб», «Теплый ветер тихо веет...», «Под небом Франции», «Ответ Тургеневу», «Даки»...

У Фета «воздух, свет и думы заодно»: его поэтическое чувство проникает за грани обычных вещей и явлений в запредельную тайну мироздания.

*Смотри, – синяя друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои!
Зачем же тенью благотворной
Всё кружишь ты, старик упорный,
По рубежам родной земли?*

*Всё дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом
Ползёт простор твоих корней,
И, в их кривые промежутки
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.*

*Когда ж неведомым страданьям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?*

*Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветер несет в дубровы
Твои поблеклые листья,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.
«Одинокий дуб»*

*И под изрытую корою
Ты полон силой молодою.
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.*

Поэзия Фета – одна из вершин русской лирики. Сейчас в этом вряд ли возможны сомнения. Но современники Фета оценивали его поэзию далеко не так высоко, как мы. Только один из них сказал о творческой силе Фета проникновенные слова, которые, наверное, многим тогда показались странными. Эти слова принадлежат величайшему поэту эпохи – Некрасову. Вот что он писал:

«Смело можем сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе после Пушкина не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет. Из этого не следует, чтобы мы равняли г. Фета с Пушкиным; но мы положительно утверждаем, что г. Фет в доступной ему области поэзии такой же господин, как Пушкин в своей, более обширной и многосторонней области».

Алексей Михайлович Жемчужников наиболее известен как один из создателей образа Козьмы Пруткова. Между тем А.М. Жемчужников был ещё и лирическим поэтом. Он посвятил А. Фету удивительные строки, которые близки и нам:

*Он пел, как в сумраке ночей
Поет влюбленный соловей.
Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.*

*Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты*

*Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...*

Почтовый блок, выпущенный в 2020 году к юбилею поэта

Эпилог «Ut pictura poesis» «Поэзия как живопись»

**«Живопись – не поэзия, а поэзия – не живопись.
Однако и то и другое – живая поэзия души!»
Петр Квятковский**

Слово может быть живописным, а картина поэтичной. Однако, #живопись и #поэзия – самодостаточные виды искусства. У каждого из них свой путь к нашей душе и нашему сердцу. Но возможен и #диалог. Н.В. Гоголь говорил, что **«поэзия и живопись – родные сестры»**.

*Все, что поэт не выразил в стихах,
Мазками чуткими расскажет нам художник,
Развеет все сомнения в пух и прах,
Понять поэта лучше тем поможет.*

Татьяна Маслацова

Совершенно справедливо говорил когда-то греческий философ Симонид, что живопись – это немая поэзия, а поэзия – говорящая живопись.

В истории искусства существуют множество примеров взаимодействия поэзии и живописи. Например, преимущественно в период романтизма, многие художники создавали картины, исходя из стихотворений и произведений поэтов, что привело к возникновению направления, известного как «пейзажная поэзия». В этой практике художники пытались передать атмосферу и эмоции, вызванные стихами, и создавали живописные образы, которые дополняли текст поэзии. Пересечение живописи и поэзии рождает не только картины – иллюстрации к стихам, но и стихи, написанные по эмоциональным следам, оставленным живописными полотнами в душе поэтов.

Одним из самых ранних образцов такой поэзии мы можем найти в творчестве Михаила Лермонтова.

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА

*Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё темно вокруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.*

У Лермонтова картина остаётся безымянной, но на самом деле это - вполне конкретное полотно. Сегодня картина носит название «Портрет Титуса в монашеской одежде». Написана в 1660 году. Лермонтов видел картину в России. Полотно входило в коллекцию графов Строгановых.

Хорошие стихи как и хорошие полотна западают в наши души и заставляют нас остановиться и задуматься. И многие известные поэты посвятили свои стихи художникам, вдохновлялись их полотнами. Например, Осип Мандельштам, посвящал свои стихи живописцам:

*Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст как струнья положил.*

Он понял масла густоту, -
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень все лиловой,
Свисток иль хлыст как спичка тухнет.
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель.

Муза поэтов и художников – творчество. Анна Ахматова в своём стихотворении «**Творчество**», так описала этот момент:

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

А это отрывок из произведения «Тайны ремесла»:
Подумаешь, тоже работа, –
Беспечное это житьё:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за своё.
И, чьё-то весёлое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блестящих нив.
А после подслушать у леса,

*У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.
Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой,
И всё – у ночной тишины.*

В стихотворении **«Художнику»**, написанном в 1924 году, Анна Ахматова обращается к самому главному мастеру кисти и источнику вдохновения – к Богу. Именно он нарисовал этот мир, ему принадлежит и позолота осенних лип, и синь воды, созданной в первый день творения, как сегодня...

*...Мне все Твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.
Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведет меня в Твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищущи Твои следы.
Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращенный,
Чтоб остудился мой постылый жар?..
Там стану я блаженною навеки
И, раскаленные смежая веки,
Там снова обрету я слезный дар.*

Это взгляд поэта. А так писал художник Пабло Пикассо в посвящении к альбому рисунков Кокто: **«Поэты не рисуют. Они как бы развязывают вязь своего почерка и вновь завязывают его другим способом».**

Поэты на Руси всегда отличались красноречивостью и глубиной слов, а художники умением живописно запечатлеть удивительную русскую природу в любую пору года. Поэтому те и другие, как никто другой, смогли передать все оттенки цветовой гаммы и настроения лета.

Есть такое выражение «Поэзия на кончике пера», а мы объединили перо и кисть. Итак, перед Вами, уважаемые читатели, «Поэзия на кончике кисти».

«Летний день». Иван Бунин
*Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!*

Иван Шишкин. Прогулка в лесу

Илларион Пряшников. У оврага

«Зеленый холм». Александр Блок

*Есть в дикой роще, у оврага,
Зеленый холм.
Там вечно тень.
Вокруг – ручья живая влага
Журчаньем нагоняет лень.*

Это образцы известных образовательных проектов о русской живописи и русской поэзии. Но есть еще необыкновенный мир поэзии Востока, который мы постараемся осветить в следующем дайджесте. Вот небольшой пример взаимопроникновения живописи и поэзии. **Мацуо Басё** – великий японский поэт эпохи средневековья, теоретик стиха, создатель жанра и эстетики хокку. До конца своей жизни Басё путешествовал, черпая силы в красотах природы. Его поклонники ходили за ним толпами, повсюду его встречали ряды почитателей – крестьян и самураев. Его путешествия и его гений дали новый расцвет ещё одному прозаическому жанру, столь популярному в Японии – жанру путевых дневников.

Басё издаёт сборник стихов «Хару-но-хи» («Весенние дни») – себя и своих учеников, где мир увидел самое великое стихотворение поэта – «Старый пруд».

*Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.*

89 Это века в истории японской поэзии. Вот что писал об этом стихотворении Ямагути Моити в своем исследовании **«Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии»**: **«Европеец не мог понять, в чем тут не только красота, но даже и вообще какой-либо смысл, и был удивлен, что японцы могут восхищаться подобными вещами. Между тем, когда японец слышит это стихотворение, то его воображение мгновенно переносится к древнему буддийскому храму, окруженному вековыми деревьями, вдали от города, куда совершенно не доносится шум людской. При этом храме обыкновенно имеется небольшой пруд, который, в свою очередь, быть может, имеет свою легенду. И вот при наступлении сумерек летом выходит буддийский отшельник, только что оторвавшийся от своих священных книг, и подходит задумчивыми шагами к этому пруду. Вокруг все тихо, так тихо, что слышно даже, как прыгнула в воду лягушка...»**.

Величайшим в ряду художников этой далекой страны является Утагава Хиросигэ (менявший в течение жизни своё имя, по обычаю, несколько раз; Андо Хиросигэ – его псевдоним). Его роль в истории японской живописи сравнима с ролью И. Левитана в жанре русского пейзажа.

Его гравюры и хокку Басе созвучны и создают особое очарование трехстиший.

*Солнце зимнего дня.
Тень моя леденеет
У коня на спине.*

Ушедшую весну
 В далёкой гавани Вака
 Я, наконец, догнал.

В наш 21 век тоже интересно посмотреть, как сейчас обстоят дела с живописью и поэзией. Одна из читательниц заметила, что осень ассоциируется с трамвайчиками. И правда, есть в этом городском транспорте что-то по-домашнему уютное, так и хочется спрятаться в его теплом салоне от непогоды. Вот такой трамвайчик запечатлел в своей осенней картине петербургский художник Павел Васильевич Еськов.

Игорь Коновалов
«Осенний трамвай»

*Остановись чудесное мгновение.
К прекрасному все мысли уводя,
Трамвай уносит осень в «запределье»,
Среди огней вечернего дождя.
Прощание очень близко, нет сомнения,
Всему на свете свой приходит срок.
И трель звонка, как эхо межвременья,
Уносит прочь прохладный ветерок.
Уносит прочь, но в сердце остаётся
Бал-сказка листопадного огня.
И в восхищение оно томно бьётся.
Возьми трамвай в попутчики меня.*

Оксана Алексеевна Кравченко родилась в городе Новоуральске Свердловской области. В Уральском училище прикладного искусства г. Нижний Тагил получила специальность художник-декоратор. Её любимая тема в живописи – цветочные композиции. И часто она располагает цветы в вазе на окне – тогда фоном для натюрмортов выступает городской пейзаж. Но сегодня у нас в окошко на осеннюю улицу любуется рыжий кот. А там бежит по мокрым рельсам наш знакомый трамвайчик. И от этого дома становится ещё теплее и уютнее.

Насколько был бы беден и скуден мир без живописи и поэзии. Они дарят нам чувство прекрасного, дарят нам светлые и правильные эмоции, культивируют в нас Человека. Именно Человека с большой буквы, который интеллектуальный, интеллигентный, со светлой головой и правильными вкусами.

Список литературы

[В. Васнецов. Гамаюн. Птица вещая» (фрагмент)]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://kartinkof.club/uploads/posts/2023-05/1683416173_kartinkof-club-p-kartinki-gamayun-34.jpg (дата обращения: 22.01.2025).

[Илларион Пряшников. «У оврага»]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/63/Illarion_Pryanishnikov_018_%2825677465258%29.jpg (дата обращения: 22.01.2025).

[Картина Оксаны Кравченко]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/3413523/pub_6198a02ca3b6a752d888ebb4_6198a08d4644ea3ba1c79e68/scale_1200 (дата обращения: 22.01.2025).

[Леонид Пастернак муки творчества]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://kartinki.pibig.info/uploads/posts/2023-04/1682109100_kartinki-pibig-info-p-muki-tvorchestva-kartinki-arti-instagram-23.jpg (дата обращения: 22.01.2025).

[Питер Брейгель Поклонение волхвов]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: [https://www.christies.com/img/LotImages/2020/CKS/2020_CKS_19640_0009_000\(pieter_brueghel_the_younger_the_adoration_of_the_magi042154\).jpg](https://www.christies.com/img/LotImages/2020/CKS/2020_CKS_19640_0009_000(pieter_brueghel_the_younger_the_adoration_of_the_magi042154).jpg) (дата обращения: 22.01.2025).

[Саша Черный]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://rewizor.ru/files/201052rxd9.jpg> (дата обращения: 22.01.2025).

[Утагава Хиросигэ 53 станции Токайдо]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://dasart.ru/preview/image?type=kartiny&image_id=69247 (дата обращения: 22.01.2025).

[Хуан Грис гитара на столе]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://artchive.ru/res/media/img/oy1200/work/2c1/114527@2x.jpg> (дата обращения: 22.01.2025).

Аимин, А. Живопись и Поэзия / Аимин Алексей. – Текст : электронный // Проза.ру : сайт. – 2020-2025. – URL: <https://proza.ru/2019/12/19/1644> (дата обращения: 22.01.2025).

Бухштаб, Б. Я. «А. А. Фет. Очерк жизни и творчества» / Б. Я. Бухштаб. – Текст : непосредственный // Книгогид : сайт. – 2025. – URL: <https://knigogid.ru/books/1159166-steklyannye-doma/toread> (дата обращения: 22.01.2025).

Blogkorovin Пастернак. Времена года / Blogkorovin. – Текст : электронный // LiveJournal (Живой журнал) : сайт. – 2013. – 27 апр. – URL: <https://blogkorovin.livejournal.com/58351.html> (дата обращения: 22.01.2025).

Волкова, А. А. Функция цветообраза в поэзии Сергея Александровича Есенина / А. А. Волкова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 6.4 (110.4). – С. 10-12. – URL: <https://moluch.ru/archive/110/27257/> (дата обращения: 22.01.2025).

Лукьянченко, Л. Памяти поэта Саши Чёрного... / Людмила Лукьянченко. – Текст : непосредственный // Проза.ру : сайт. – 2021. –5 авг. – URL: <https://proza.ru/2022/09/11/24> (дата обращения: 22.01.2025).

Пручкина, Н. Изгнанный гений Иосиф Бродский / Нинон Пручкина. – Текст : электронный // Проза.ру : сайт. – 2023. – URL: <https://proza.ru/2023/11/07/1393?ysclid=m67fbs88s3784160244> (дата обращения: 22.01.2025).

Строфа и кофе... Живопись и поэзия - случайные встречи / Строфа и кофе... – Текст : непосредственный // Дзен : сайт. – 2022. –21 июля. – URL: <https://dzen.ru/a/YtYiXRrxOnpyLGhl> (дата обращения: 22.01.2025).

Ознакомительное издание

**«Поэзия – это живопись которую слышат»
к юбилеям поэтов России**

Составитель Калинина О. И.

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
тел.: + 7 (343) 211-07-00, сайт: www.somb.ru

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА